

Тот, который прикрывал

Сборник рассказов ветеранов
Отечественной Войны народа Абхазии
1992–1993 годов

Сухум – 2014

ББК 84 (5 Абх) 64-44 я 43

Т 63

Сборник издан при финансовой поддержке:

ЗАО «АКВАФОН-GSM»

радио «SOMA»

Тот, который прикрывал. Сборник рассказов.
Составитель Р. Е. Аджинджал. Сухум, 2013 г.

Сборник состоит из рассказов и воспоминаний ветеранов Отечественной Войны народа Абхазии 1992–1993 годов. Герои этих невыдуманных историй – мужчины и женщины разных возрастов и национальностей. Мирные люди, достойно принявшие вызов времени и судьбы, они не сломались в чрезвычайных обстоятельствах, проявили мужество, благородство и подлинный патриотизм.

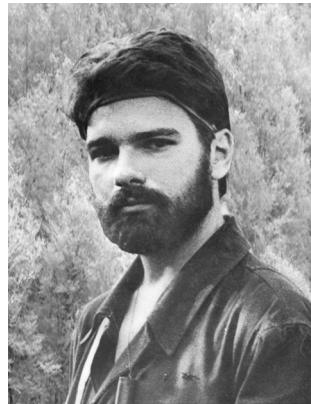
От составителя

В феврале 2012 года мой друг и брат по оружию Руслан Инапха создал в социальной сети www.facebook.com группу «Памяти павших за Родину – Зыпъсадгыыл зхы ақәыштаз ргәлашәараз», посвящённую воинам, погибшим при исполнении долга по охране государственной границы Республики Абхазия в Галском районе. Почти все они были ветеранами Отечественной Войны народа Абхазии 1992–1993 годов, и само собой вышло так, что участники группы стали делиться в ней также и своими воспоминаниями об операциях военной поры. Потом – и о событиях начала 1992 года, когда был создан Отдельный Полк Внутренних Войск Республики Абхазия (ОП ВВ РА), основа будущей армии, отстоявшей свободу и независимость республики.

В этой книге собраны рассказы и сообщения, опубликованные активными участниками группы, которые 20 лет назад встали на защиту Родины.

Честно признаюсь: я не ожидал, что группа станет такой интересной для абхазского сегмента интернет-сообщества. Самое главное, что живое участие в её работе принимают не только ветераны, но и молодёжь Абхазии – значит, память жива! И не может не сбыться пророчество легендарного командира Мушни Хварцкия, сказанное в один из самых тяжёлых моментов войны: «Я верю, что мы выживем и возродимся в новом, лучшем качестве».

Рисмаг Аджинджал

Александр Бардодым
(1966 – 1992)

Дух нации

Дух нации должен быть хищен и мудр,
Судьей беспощадным отрядам.
Он коброю спрячет в зрачке перламутр.
Он буйвол с недвижимым взглядом.

В краю, где от крови багровы мечи,
Не ищет трусливых решений,
Он ястреб, считающий мирных мужчин
В горячее время сражений.

А счет его точен, как точен размах
В движении неистребимом:
Чем меньше мужчин, выбирающих страх,
Тем выше полет ястребиный.

Записано в блокнот в конце августа 1992 г.

Руслан Барцыц

Клятва

Говорят, война всегда начинается неожиданно. Вот и наша, Отечественная Война народа Абхазии¹, обрушилась внезапно. Хотя в последние десятилетия всё так нагнеталось, что было ясно: рано или поздно её не избежать.

14 августа 1992 года я находился в пицундском Храмовом комплексе², в собственном кабинете директора историко-

¹ Отечественная Война народа Абхазии (14.08.1992 – 30.09.1993 гг.) была развязана руководством Грузии с целью противостоять стремлению абхазского народа восстановить свою государственность. Абхазы, поддержаные практически всеми национальными общинами республики, широким добровольческим движением, представленным гражданами Российской Федерации и стран проживания абхазской диаспоры, одержали победу в борьбе с численно преобладающими и отлично вооруженными формированиями Госсовета Грузии и местного грузинского населения, сыгравшего роль «пятой колонны»..

² Комплекс сооружений в центре Пицунды вокруг величественного Храма Св. Апостола Андрея Первозванного (IV–X вв.), некогда резиденции католикосов Абхазии. Окружен мощной крепостной стеной (X в.).

архитектурного заповедника «Великий Питиунт». Спасаясь от жары, сотрудники сидели у меня, под кондиционером. Пили кофе. Вдруг влетает Боря Джакония: «Михалыч, война! В Сухуме идут бои!»

Если честно, сначала думали, что ничего серьёзного, опять будет как во все предыдущие годы! Пройдут митинги, столкновения, но, в конце концов, разведут нас с грузинами по разные стороны – до следующего раза. Но уже в первые два-три дня войны появилось много тревожных вестей о боестолкновениях в Сухуме, первых жертвах из числа мирных жителей, отдыхающих и ополченцев, о десанте и пикетах в Гагре, где чуть не расстреляли моего младшего брата Германа, он просто чудом уцелел.

В Пицунде народ сразу же «зашевелился», ребята стали стекаться к Храмовому комплексу: узнать новости, посовещаться, что и как делать. С Димой Хагба и Левардом Барцыщ мы начали разрабатывать план обороны Пицунды. Карту пришлось чертить самим, потому что за несколько месяцев до того, по распоряжению из Тбилиси, были изъяты все карты Абхазии, включая школьные. Видно, уже тогда они готовились к агрессии.

Быстро набралось около 150 человек, готовых взять оружие. Но вот оружия у нас, как и у всех абхазов, практически не было: только несколько охотничьих двустволовок, чудом уцелевших от недавней конфискации (под предлогом перерегистрации) и один-единственный автомат Калашникова.

Неожиданно для себя я стал начальником штаба на ходу формируемого Пицундского батальона да ещё и военным комендантом посёлка. Пришлось заниматься как организацией обороны, так и эвакуацией отдыхающих и тех местных жителей, кто решил уехать «до лучших времён».

С отдыхающими была отдельная песня: встречались даже такие, кто вопреки всему твёрдо намеревались оставаться и «добивать свою законную путёвку». Август на курорте – самый сезон, отдыхающих было полно, только из Грузии более 800 человек, в том числе и племянник самого Шеварднадзе. Помогли сочинские спецслужбы, приславшие большие корабли, так что мы смогли организованно и без паники провести эвакуацию. Но не все граждане Грузии вернулись домой морским путём: небольшими партиями по 15–20 человек мы обменивали их на наших, застрявших в оккупированной Гагре.

По спецсвязи (она ещё работала, можно было даже говорить напрямую с Шеви!) мы связывались с Гагрой и обговаривали условия обмена и количество людей. Грузин мы держали внутри Храмового комплекса, в башенке-акведуке. А чтобы не скучали, ожидая обмена, я дал им случайно подвернувшуюся под руку книжку, «Муму» Тургенева: чтобы один читал вслух, а другие внимательно слушали. Вынужден был так поступить, потому что они бузили и громко возмущались, что мы не имеем права держать их взаперти. А читать заставил того, который больше всех орал, что он кандидат наук, всё знает, и вообще грузины – высококультурная нация, а абхазы – варвары. И всё это на фоне того, что в те же дни в Гагре эти «культурные» сжигали абхазов живьём, облив бензином.

В одной из первых партий мы отправили среди прочих и пожилого грузина, которого я знал ещё до войны. Но через час его вернули обратно вместе с нашими заложниками, которых удалось вызволить. Его соплеменники выбирали только молодых, наверное, чтобы тут же дать автомат

и отправить воевать, старик им был без надобности. Но это я понял уже потом, а тогда отправил его с новой группой. Старика опять вернули – и так четыре раза. Он так свыкся со своей участью, что уже уходил и возвращался обратно, понурив голову и держа руки за спиной, как арестант со стажем. Единственное, о чём он просил, чтобы больше не читали «Муму», потому что за эти дни выучил текст наизусть и уже сам стал завидовать той несчастной собачке...

Но основной акцент, понятно, мы делали на организацию обороны. После того как противник, нарушив договорённости, занял практически без боя города Сухум и Гагра, появилась опасность высадки вражеского десанта и в Пицунде. Конечно, мы надеялись на помощь нашего командования, но, учитывая сложное положение на всех фронтах, понимали, что до нас ещё долго руки не дойдут. Так что справлялись как могли, своими силами.

Мы организовали круглосуточное дежурство вдоль берега, на мосту и других стратегически важных пунктах. Дозорных вооружали, передавая друг другу двустволки. Самый опасный в плане высадки десанта участок берега заминировали неизвестно откуда взявшимися несколькими противопехотными минами. Но назавтра, после небольшого штурма, все метки, сделанные неопытными минёрами, смыло волной. Весь следующий день ребята искали бесценные мины, ползая на брюхе по мокрому песку, но не все удалось найти.

Было решено самим добывать оружие. Говорили с пограничниками. С охраной пицундской госдачи, которую так любил Хрущёв. С десантной ротой, которую высадили в расположенной поблизости воинской части ракетчиков

для охраны ракет и больших запасов топлива к ним. Через несколько недель мы, по тогдашним-то меркам, были очень неплохо вооружены!

С майором Магомедовым, командиром этой роты, мы сразу подружились. Через него я достал для батальона и сто комплектов армейской формы типа «афганки». Майор попросил, чтобы я сразу сообщил ему, если грузины всё-таки вздумают высадить в посёлке десант: «Мои бойцы здесь скучают, а вы, я знаю, защищаете свою Родину, поэтому мы встанем рядом с вами». Но уже в ночь после этого разговора в части сели два вертолёта и вывезли неравнодушных десантников. Наверное, чьи-то подлые уши услышали такие разговоры и быстро настучали «куда надо». А тогдашнее руководство России не собиралось нас поддерживать.

Зато уже с первых дней к нам на помощь начали прибывать простые россияне, в основном с Северного Кавказа, которые, как когда-то в Испании, готовы были сражаться с фашистским агрессором. Одни добровольцы шли небольшими группами со стороны Псоу, прорываясь через российские пограничные кордоны, другие – по тропе через Рицинский перевал. Для их безопасного продвижения мы провели операцию по вывозу из ущелья грузин – рачинцев и сванов, которых туда предусмотрительно заселили в пятидесятые годы, создав целый анклав на случай военной необходимости. Надо сказать, они не оказали серьёзного сопротивления, сдали несколько стволов и были отправлены в Гудауту в сопровождении комендантского взвода.

Наконец пришёл и ответ командования на нашу просьбу помочь с вооружением: откликнулся начальник Генштаба полковник Сосналиев. Я взял двух бойцов и на «Волге» Дау-

ра Барцыц поехал в Штаб, в Гудауту, которая стала военной столицей Абхазии. Там я познакомился с Султаном Асланбековичем, замечательным человеком, боевым лётчиком, который в самом начале войны прорвался на выручку из Нальчика вместе с целым автобусом наших братьев – адыгов. Сосналиев принял нас очень тепло, с каждым поздоровался за руку. Помню, как почувствовал к нему почти сыновнее доверие, подумал, как хорошо, что наша судьба находится в надёжных руках: Главнокомандующий – Владислав Ардзинба³, начальник Генштаба – Султан Сосналиев.

Султан Асланбекович приказал выдать нам кучу НУРСов⁴, противопехотных и противотанковых мин, патронов. Когда я, после того как погрузил с ребятами в машину всё это добро, о котором мы и не мечтали, вернулся в кабинет, чтобы доложить и поблагодарить, он встал из-за стола, подошёл к шкафу и вытащил оттуда штурмовой гранатомёт. Вручил мне и сказал: «А это лично вам от меня. Защищайте Родину, мы обязательно победим».

Окрылённые, мы благополучно вернулись в Пицунду. Сколько было у бойцов радости, когда увидели, какое богатство нам приспало командование! Все почувствовали себя уверенней, хотя и так никто не сомневался в Победе. Раздали патроны, заминировать подступы к посёлку смогли уже грамотно, как и где надо.

Но расслабляться было, как говорится, рано. По ночам,

³ Владислав Григорьевич Ардзинба (1945–2010 гг.) – Первый Президент Республики Абхазия (1995–2004 гг.). Ученый-востоковед с мировым именем, в 1990 году он был избран Председателем Верховного Совета республики, после чего возглавил борьбу народа Абхазии за независимость.

⁴ Неуправляемый реактивный снаряд «земля-земля».

дежуря в штабе батальона, в который превратился мой когда-то мирный кабинет археолога, я думал, что ещё надо сделать для улучшения боеспособности и дисциплины, как бороться с мародёрством (и такая, увы, была у нас проблема).

Вдруг я вспомнил, что наши предки перед сражением собирались у святых мест и там давали клятву верности Родине и друг другу. Есть известная старинная гравюра: «Абхазы приносят присягу перед военным походом», и там всё происходит как раз внутри пицундского Храмового комплекса, под знаменитым дубом!

Абхазские Аныха⁵ всегда оберегали наш народ, потому именно возле них и приносили клятву, отправляясь в рискованное предприятие. Вспомнил я и сообщения историков былых веков, которые описывали, как абхазы, вернувшись из набега, жертвовали лучшие трофеи пицундскому Храму, который одновременно считался и частью древнего святилища Лдзаа-ныха⁶. А сейчас-то мы встали на защиту своих домов и семей, поэтому вправе надеяться, что Аныха вдвойне оделят нас покровительством и силой!

Наконец я твёрдо решил: завтра расскажу про это ребятам, посмотрю на их реакцию. И, если поддержат они мою идею, будем, как в старину, готовиться к присяге.

Пока я всё это обдумывал, в голове что-то «щёлкнуло». Рука сама потянулась к карандашу, и я на одном дыхании, без единой поправки, написал на родном языке слова присяги. Сам не знаю, как у меня так складно получилось, но

⁵ Аныха (абх.) – святыня, святилище традиционной религии абхазов, святое место.

⁶ Лдзаа-ныха (абх.) – святилище традиционной религии абхазов, расположено на территории Пицундского мыса.

в том небольшом тексте было всё: про страшную беду, что пришла на землю Абхазии, про души и традиции предков, про долг, храбрость и верность, и, конечно, про гнев Аныха и всего народа, который падёт на головы тех, кто нарушит клятву.

Наутро мы собирались в штабе, я рассказал, что придумал, и зачитал слова, написанные ночью на случайном листке, бумаги. Ребята горячо поддержали меня.

Через несколько дней всё наше разношёрстное, но решительное ополчение выстроилось возле Храма. Я вышел перед строем и начал читать Клятву.

После первых слов почувствовал, как горло сдавил спазм, не даёт говорить. Перед глазами за какие-то секунды промелькнуло видение: наши предки в черкесках, с кинжалами и кремнёвыми ружьями, на этом же самом месте приносят присягу... Еле справился с волнением, продолжил. Но на последней фразе, про верность и проклятие Аныха, всётаки, как говорится, слегка пустил слезу. Хорошо, хоть бойцы ничего не заметили. Наверное, оттого, что многие, повторяя за мной священные слова, сами не могли сдержать нахлынувших чувств.

Боевое крещение батальон принял в первые дни октября, при освобождении Гагры⁷. Ребята сражались героически, многих мы потеряли. Вечная Память и вечная Слава защитникам Родины!

Много позже, когда в Пицунду уже можно было без

⁷ 6 октября 1992 года подразделения абхазской армии, разгромив многократно превосходящие силы противника, освободив Гагру, вышли на абхазо-российскую границу по реке Псоу и водрузили там государственный флаг Республики Абхазия.

страха добраться по центральной трассе, некоторые командиры приехали из Гудауты, с кинокамерой. Выстроив наш батальон на берегу, у курортных высоток, организовали официальный приём присяги. Текст написали по образцу советской, армейской, только название страны поправили и ещё немного. Но меня там уже не было – в октябре откомандировали на должность заместителя начальника топографической службы Генштаба Республики Абхазия. Так что знаю про это со слов ребят, которые не захотели участвовать в показухе, объяснив, что они уже присягали Родине: по обычай предков, на родном языке, в историческом, святом месте.

А листок с той, нашей Клятвой, к сожалению, за время войны потерялся. Несколько раз я пытался восстановить текст – для истории, да и просто для себя. Но почему-то получается совсем не то: всё написанное бракую и швыряю в корзину.

Роин Агрба

А «Дикие волки» продолжали драться...

К концу августа 1992 года противник провёл несколько удачных операций, зажавших абхазов между Сухумом и Гагрой, в пределах Гудаутского района. Когда все попытки пробить нашу оборону провалились, враг решил уморить нас голодом в осаде. Положение было критическим: через месяц на перевале ляжет снег, единственная сухопутная артерия, соединяющая нас с Россией, закроется до весны. Рассчитывать на морское сообщение было рискованно: зимой и весной у моря скверный нрав, да и наш флот – допотопные прогулочные катера, угнанные из Сухумского порта группой смельчаков – оставлял желать лучшего. Оставалось одно: во что бы то ни стало прорвать блокаду по суше и дать народу почувствовать вкус Победы. Надо было освободить Гагру.

Нашу группу во главе с Шамилём Басаевым перебросили на Гагрское направление, на гору Мамзышха. На протяжении двух недель днём шла разведка – искали доступные тропы для наступления. Ночью проводились вылазки – небольшую панику мы всё же посеяли! Собрав все разведданные, возвратились на базу, которая располагалась в школе села Бзыбь.

А начиналось всё в гудаутском санатории «Черноморец», который стал в те дни пристанищем для нас и добровольцев Северного Кавказа и Юга России. Поздно вечером командир приказал собрать всю группу, численностью около 100 человек. Выдали всем провиант и патроны, командир посоветовал не лениться и брать с собой тёплые вещи – у кого, конечно, они были. А у кого не было, чтобы брали санаторские одеяла.

Под покровом ночи нас на нескольких «ГАЗ-66» перебросили к месту выдвижения: на трассу, ведущую к озеру Рица, в районе Голубого озера. Всю ночь отряд, нагруженный (не менее 35 кг на каждом) боеприпасами и провиантом, шёл по опаснейшим тропам без фонарей и факелов. В пути не разрешали даже курить.

Под утро дали команду отдохнуть пару часов прямо на тропе. Все рухнули на голую землю. Кому-то удалось заснуть, от холода строча зубами «пулемётную очередь», а кто до утра ворочался. Проснувшись, были в шоке от увиденного: тропа, на которой мы лежали, свисала над высоченным обрывом.

В нашем отряде был и Александр Бардодым, московский поэт, который в самые первые дни приехал воевать добровольцем. Мы дружили с Сашей уже три года и знали друг

друга лучше, чем остальных, поэтому старались держаться вместе. Всю дорогу меня поражало его присутствие духа: он умудрялся на ходу ещё и рассказывать смешные истории! Однажды получил даже выговор: Сашка ведь не умел смеяться вполголоса, его заразительный смех был больше похож на гром среди бела дня. Командир полуушутя пригрозил ему «увольнением из отряда»: смех мог услышать противник за главным хребтом. Далее наши беседы, которые удавалось вести всё реже и реже, проходили шёпотом. Всё время я думал, откуда у этого московского парня такая выдержка. Конечно, в нашем отряде были ребята разных национальностей, но остальные-то все имели кавказские корни и не понаслышке знали, что такое горы!

На место следующей дислокации мы пришли к вечеру второго дня. Нас встретили гостеприимные абхазские пастухи, которые расположились на склонах горы Арбаика. Сбросив тяжёлые рюкзаки, все повалились спать прямо на прохладной земле, позабыв даже о еде. Я и Саша разместились под одним одеялом, постоянно перетягивая его друг на друга. До рассвета нас разбудили пастухи и щедро угостили горячей мамалыгой и только что сваренной козлятиной. Подкрепившись, отряд двинулся вперёд, не дожидаясь темноты, так как на открытой поляне, где были расположены пастушеские балаганы, нас могли «спалить» вражеские вертолёты. Только мы укрылись в лесном массиве, так они как раз и полетели!

За те четыре дня мы прошли около 60 км пути по высокогорным тропам – от Голубого озера до метеоцентра, который располагался над Гагрой на горе Мамзышха: несколько деревянных строений, разбросанных по огромной

поляне. На время разведоперации центр должен был стать нашей базой. Мы с Сашкой выбрали себе самый крайний из домиков. Через несколько часов, с его лёгкой руки, окрестили домик «Балаганом поэзии».

Наша маленькая группа «любителей прекрасного» состояла из четырех бойцов: Зиуар Чичба из Сирии, самый старший и опытный, смелый и отчаянный потомок махаджиров, гудаутский парень Масик Герзмава, выпускник географического факультета АГУ, единственный сын и надежда матери-вдовы, Саша Бардодым и я.

Поэтические вечера проходили под старым дубом на краю поляны, перед нашим балаганом. Из верхнего кармана своей чёрной «спецовки» Саша доставал потрёпанный блокнотик и начинал читать новые стихи: «Дух нации», «Спешу на рассвете к вершинам в тумане...». Прочёл и ещё незавершённую «Песню батальона Шамиля». Мы с Зиуаром даже прикололись над тем, что истинный православный христианин сочиняет такие строки, как «напишем кровью: мой Аллах». «Это ведь образно, господа!» – отвечал, смеясь, Сашка.

Иногда Саша возвращался мысленно в московские будни и рассказывал о своей компании молодых поэтов – «Общество куртуазных маньеристов». Чтение стихов длилось часами. К нам часто присоединялись и ребята из других балаганов. Неоднократно приходил сам Шамиль, в котором мы обнаружили ещё и неплохое знание русской поэзии.

Однажды ближе к вечеру мы, расположившись под дубом и слушая очередную порцию стихов, увидели на другом конце огромной поляны две фигуры: человека в пастушеской одежде и крупную серую собаку. Приблизившись,

путник – мужчина славянской внешности – осторожно поздоровался, при этом крепко удерживая свою псину за ошейник. Он оказался сотрудником метеоцентра и по совместительству пастухом, возвращался с очередного обхода местности. Я попросил его пустить пса ко мне. Пёс оказался весьма дружелюбным: подбежал к нам, махая хвостом, и начал обнюхивать.

Прихватив пса за шею, я стал его ласкать, теребя густую шерсть. Пока путник рассказывал о себе, я всё время возился с этим красавцем. Нечаянно оголил оскал животного и обнаружил нешуточные и явно не собачьи клыки. Спрашиваю с недоумением у пастуха: «Что за порода-то такая красивая? Лайка, что ли? Откуда у него такие клыки?» Новый знакомый, улыбаясь, сделал внушительную паузу и тихим голосом произнёс: «Эта порода называется – «чистокровный волк».

Мёртвая тишина. У меня куча мурашек пробежались по спине. Я ведь сижу в обнимку с опасным хищником, да ещё, приоткрыв пасть, зубы его «считаю»!

Кто-то из ребят, не растерявшихся, попросил рассказать пастуха, откуда к нему попал зверь. Оказалось, что хищник живёт с людьми почти два года. На горном пастбище на стадо напали волки. Кавказские овчарки, отогнав их, искусали и ранили одного молодого волчонка. Пастухи еле вырвали его у собак. Пожалели, вылечили и осенью спустили прыщёыша в город, где он и перезимовал. Волчка «усыновила» старая кавказская овчарка хозяина, он стал родным среди псов.

Весной, когда открылись тропы, пастухи со стадом снова двинулись в горы. Как только оказались в лесном массиве

ве, волчок сорвался и убежал в лес. Сколько ни звали, даже не обернулся. Поднялись пастухи на своё место, приступили к будничным заботам. А через пару дней возвращается волчок, весь разодранный и израненный: «Видимо, почувствовали в стае запах псины, пришлось нам лечить его уже от волчьих ран. С тех пор он стал лучшим охранником стада, чует волчий запах за несколько километров».

Тут Саша вскочил и громко, будто на сцене, со сверкающими глазами продекламировал: «Я волком брежу на запах псины...». Мы все тогда подумали, что он импровизирует, сочиняет стихи на ходу. Но потом я обнаружил в сборниках, что эти строчки Сашка написал лет за пять до нашей войны и той знаменательной встречи, оказалось, он давно тайно восхищался красивым хищником. «Всё, решено! Идём к командиру. У меня есть идея», – решительно заявил Саша и приказным тоном потребовал, чтобы я следовал за ним. Я предложил сначала поделиться идеей со мной, но получил категорический отказ. Пришлось сопровождать его в балаган командира, где расположилась самая большая группа наших однополчан.

Приходим: Шамиль, весь такой напряжённый и слегка раздражённый, сидит за столом с другим сотрудником метеоцентра. Чуть не вся группа стоит вокруг и через их головы, молча, наблюдает за происходящим на столе. Мы сообразили, что Шамиль проигрывал партию в шахматы – кстати, он очень неплохо в них играл. И в такой момент является наша миссия с ценным предложением...

После небольшой паузы Сашка заговорил: «Командир! У меня есть классная идея – я предлагаю дать название

нашой группе. Ведь каждый отряд имеет своё фронтовое имя». После непродолжительной паузы Шамиль спрашивает: «И какое оно, это название, поэт?» «Дикие волки!» – резко и убедительно рубанул Сашка. Тишина в балагане. Шамиль, не отрываясь от шахматной доски, спрашивает: «А что, Саша, есть ещё и домашние волки?»

Балаган взорвался хохотом. Но Саша ответил незамедлительно: «Как нет, Шамиль! Все домашние волки сидят в городах и сёлах и делают вид, что воюют, или сбежали вообще из Абхазии. А мы тут по горам лазаем – чем не дикие?» – и рассмеялся. Ребята дружно подхватили его знаменитый смех. Долго смеялись. Но многие уже в тот же день начали ножами вырезать надпись «Дикие волки» на прикладах своих автоматов.

В том, черновом, варианте «Песни батальона Шамиля» было всего три куплета. Саша говорил, что он должен ещё дописать. Кто бы мог тогда подумать, что последний куплет этой песни станет последним в его жизни, и будет он начинаться словами: «Помянем тех, кто были с нами». И только потом я обратил внимание: тогда, на горе Мамзышха, в нашей группе ещё не было потерь, значит, эти строки были адресованы будущим жертвам войны: «теми, кто был с нами», мог оказаться любой из нас. По иронии судьбы этот печальный счёт открыл именно Саша.

Через пару дней после возвращения в Гудауту мы потеряли нашего поэта. Из верхнего кармана его окровавленной чёрной спецовки я достал тот блокнотик с последними стихами. Нашёл и «Песню батальона Шамиля», с дописанным четвёртым куплетом: «Помянем тех, кто были с нами...»

Через неделю в боестолкновении был тяжело ранен в голову Зиуар Чичба. Он умер в госпитале, в тот день, когда мы освободили Гагру.

Через две недели при освобождении Гагры погиб единственный сын Масик Герзмава.

А в моей памяти навсегда останется тот старый дуб на краю альпийских лугов, «Балаган поэзии», лежащие на траве молодые ребята, тот волчок и Саша со своим потёртым блокнотиком... и эхо его заразительного смеха.

Впервые опубликовано 17.04.2012 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Мурман Гварамия

Смекалка

Штаб нашей группы размещался в школе села Пакуаш Очамчырского района, где мы обосновались 6–8 сентября 1992 года, после прилёта из Гудауты. Сначала группа состояла из командира Бориса (Деда) Пачлиа, Вячеслава Бганба, Фреда Тания, Руслана (Иаски) Салакая, Бачава Джумы и меня. Позже к нам присоединился Рудик Пачлиа.

Тяжёлые были дни. Многие ещё надеялись, что всё вскоре закончится, разведут людей по сторонам, как в 1989 году¹. Не понимали (или не хотели понимать), что уже идёт

¹ В 1989 году в Абхазии прошли крупномасштабные акции протеста абхазов и русскоязычного населения, направленные против грузинской политики государственного шовинизма. Локальные вооружённые столкновения были остановлены силами ВВ СССР. Следует отметить, что такие конфликты возникали в течение всего советского периода..

настоящая война, опасались для себя арестов и прочих «неприятностей» Приходилось слышать и такое: да против кого вы вздумали воевать, лучше покориться! А оккупант постепенно наступал по всей линии фронта, захватывал цельные сёла, у непокорных и просто «негрузин» сжигали дома, многих там же убивали – целыми семьями.

В то время считалось, что, если в селе было несколько автоматов, то оно хорошо защищено! Дух это, конечно, поднимало, но необходимо было выигрывать время, доставать оружие и боеприпасы, чтобы хоть как-то противостоять этому полукриминальному полчищу. Хорошо ещё, что «добрейшая» армия Госсовета Грузии завязла в грабежах! Наши ополченцы подрывали мосты, устанавливали самодельные мины на дорогах, нападали на патрули, чтобы добить оружие и боеприпасы. В общем, сопротивлялись, как могли.

Как-то утром Дед распорядился, чтобы группа собиралась на вылазку. По его просьбе пакуашские старики одолжили нам папахи. Мы их, конечно, надели, но вот зачем это, никак не могли понять. Наказав не говорить между собой по-абхазски, а при необходимости общаться друг с другом исключительно с ярко выраженным северокавказским акцентом, командир повёл нас пешком через наши, а потом и вражеские позиции прямо к центру соседнего села Охурей, в котором проживало в основном грузинское население. Понятно, что грузины и контролировали село, но тогда, в начале войны, многие местные делали вид, что это тбилисские ополчились на абхазов, а они сами вроде как ничего против нас не имеют.

Охурейцы уставились на нашу живописную компанию с недоумением. Дед попросил позвать главу села и коменданта – на переговоры. Когда они появились, окружённые многочисленной охраной, командир указал на нас и объявил, что это представители чеченцев и кабардинцев, а все-го, мол, с Северного Кавказа для участия в войне «на нашей стороне» прибыло более пятисот человек, и все расквартированы в Пакуаше. Вскоре ожидается приезд ещё тысячи, но пакуашцы одни не в силах всех прокормить. Поэтому Борис предложил договориться: половину вновь прибывших перебросят на постой в Охурей, по два-три человека на каждый двор. И ещё доверительно так им признался, что, если бы не прожорливость «гостей» и их нелёгкий нрав, пакуашцы никогда бы не решились побеспокоить соседей просьбой о помощи.

Всё это Дед рассказывал им на мингрельском языке и с самым серьёзным видом. А мы, с великим трудом сдерживая смех, грозно хмурили брови и старались держаться так же невозмутимо, делая вид, что не понимаем, о чём идёт речь.

Встревоженные охурейцы стали приглашать нас отведать их хлеб-соль, но Дед за всех отказался, пояснив на мингрельском, что мы, мол, не едим свинину, да к тому же ещё совершенно непредсказуемы после выпивки! Те совсем растерялись и уже не настаивали... Дед очень сердечно распрощался, мы приготовились уносить ноги, но наш командир, подумав немного, почему-то повёл нас по дороге вглубь села.

Подойдя к большому, явно зажиточному, дому, он позвал хозяйку. Когда та вышла, Дед, обняв и расцеловав её в

обе щёчки, снова поведал свою историю. Хозяйка заметно взволновалась и попросила дать ей недельку, чтобы исправить дочерей-невест в Кутаиси, а потом она, мол, готова принять в свой дом на постой хоть целых пять человек!

Только после того, как мы благополучно вернулись через все позиции в Пакуаш, когда убедились, что это был не сон и все мы живы-здоровы, спросили у Деда: зачем он водил нас к той женщине? Командир, смеясь, объяснил, что эта тётка – самая знаменитая сплетница в округе: что зайдет к ней в уши, через пару дней будет знать вся Грузия!

Очень выручила нас тогда командирская смекалка. Ещё с месяц после того представления было спокойно на границе села Пакуаш.

Впервые опубликовано 07.05.2013 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Авто Гарцкия

Разведчик

Роману Барцыц из Блабырхуа посвящается

– Слышишь, говорят, всё-таки началась война с грузинами. Все, кто есть в городе, собираются у санатория «Волга», там Владислав Ардзинба будет выступать, – сказал мне Борис Лазба.

Вот едрёна мать, а мы с ребятами как раз собрались на Рицу дня на три, погулять с девчатами из Белгорода! Уже не первый год они приезжают, и сейчас вырвались погостить на недельку. Компанейские такие девушки, бывшие КВНщицы из Белгородского университета. Замечательно поют под гитару, особенно ночью у костра: «Мохнатого шмеля» и песни на французском, их даже во французском посольстве принимали.

Девчата сразу заявили, что останутся и могут быть санитариками, так как проходили практику на курсе. Упёрлись и уезжать ни в какую не хотят! Ну да, для них война – экзотика, а нам отправляй потом цинковые гробы с девушками. Пришлось пойти на уловку: так, мол, и так, мы тут первые дни разберёмся, вооружимся, подготовимся, а после вас вызовем. Уговорили. Знал бы я, что почти полгода мой отряд будет без так необходимых в бою санитариков! На войне кровь льётся долго.

Владислав с балкона санатория сказал, что враг пришёл к нам домой и мы должны защитить свои семьи и свою землю от надругательства, а иначе будем всю жизнь у них холопами служить. Всё и так было понятно. С Владиславом рядом стояли Валера Айба и Павел Ардзинба. Через несколько минут спускается Валера: «Собери, сколько можешь, ребят по городу, вот вам автобус, кое-что из оружия, гранаты и патроны к АКМ. Езжайте до пицундского поворота, Темур Надарая уже там со своими ребятами, разберётесь».

Здесь же, на месте, кинули клич, быстро собрались и поехали. Со мной и Борис Лазба, мой ровесник, нам уже тридцать третий пошёл.

На месте нам выделили позицию, небольшую высотку. Ребята в нашем отряде «Эвкалипт» подобрались разные, притирались дней двадцать... Трудно сходились, все разношёрстные: «кто комсомолец, кто блатной», кто деревенский, а кто городской. Наркоманы и любители выпить тоже решили защищаться до последнего. В мирное время у каждого была своя дорога, а теперь у всех одна – война. Сначала все норовили стать комдивами, но только до первой перестрелки. Потом уже все знали своё настоящее место.

В один из тех дней появился в нашем отряде молодой человек лет двадцати восьми, Роман Барцыц. Среднего роста, обычного телосложения, ходил быстро и будто с приклоном, раскачиваясь вперёд-назад. Своеобразный такой парень, непохожий на остальных, уважительный, добряк до мозга костей. А ещё была у него хорошая черта – не умел таить в себе обиду.

«Разведчик» – окрестили мы его. И носил Рома это прозвище до конца дней своих. Многие так и не узнали его настоящего имени.

– Как дела, Разведчик? Куда собрался?

– В разведку, – отвечал он с гордостью.

Не сиделось ему на месте. Днём он ещё отдыхал, а ночью с кем-нибудь вдвоём, а чаще всего один уходил в тыл противника. На удивление далеко уходил! Это подтверждал командир Лыхненского отряда, расположенного чуть ниже нас, Алхас Шакрыл, который тоже по ночам делал глубокие рейды в тыл к грузинам. И ещё один разведчик, не помню его имени, из отряда Михаила Капш, что стоял ближе к морю. Проблема заключалась в том, что, как говорят абхазы, «еицәахар қалон» – «могли столкнуться», а там поди разберись ночью, кто свой. Рации в первые дни войны ни у кого не было.

Вначале Разведчик был без оружия, поэтому, уходя в разведку, просил у кого-то из ребят автомат. Так продолжалось почти две недели. Но в одно сентябрьское утро наш отряд был встревожен автоматной очередью.

– 5.45! – кричал счастливый Разведчик. Он давно мечтал иметь именно такой автомат, с откинутым прикладом. Тогда их ещё ни у кого в отряде не было.

Как бы мы потом ни старались разузнать, где он раздобыл оружие, ответ был один: «Всё равно же не поверите, подполз и стащил», – и показывал в сторону противника.

Но все верили ему, и не верить было нельзя. Такой он был человек. Свободный. Иногда я его ругал за то, что он часто уходил на вылазки на гору Мамзышха в составе других групп. Но возвращался Разведчик всегда именно к нам:

– «Эвкалипт», не могу без вас и дня прожить. Вы самые лучшие ребята, которых я знал, самые весёлые, с вами я о войне забываю.

Лучшие мы, может, и не лучшие, но, видимо, была у него какая-то личная преданность отряду, скреплённая печатью войны. Да и нам без него неуютно было.

– Есть у меня одна мечта, – говорил Разведчик, – освободить вместе с вами Гагру и выпить много шампанского за эту победу. Мы уже победили – ведь нас намного меньше, но мы же держимся? Надо держать строй! А если получится освободить город, мы будем непобедимы. О нас услышит весь мир.

Пока шла позиционная борьба, в отряде ещё не было жертв. Но маховик войны уже начинал раскручиваться. Незадолго до наступления отряду было приказано продвинуться вперёд и закрепиться. Ночью мы рыли окопы. Разведчик оборудовал себе удобное индивидуальное укрытие в полный рост, обложенное ветками молодых акаций. Я залёг в двух шагах от него, мы тихо перешёптывались, напряжённо вглядываясь в темноту. Это было время звездопадов: метеоры один за другим расчерчивали небо. Иногда казалось, что это не звезда, а трассер пролетел.

Было уже за полночь, как вдруг началась беспорядочная стрельба со стороны грузин. Мы тогда не сразу поняли,

что это был отвлекающий манёвр. Они частенько щекотали нам нервы своей лихорадочной стрельбой трассирующими и разрывными пулями. Мы тоже отвечали огнём на огонь, и, если бы не война, можно было бы подумать, что начался праздничный фейерверк.

Вдруг Разведчик неожиданно выскочил из окопа и сказал, что пойдёт в балаган – ребят проведать. Я не стал спорить, только предложил ему взять с собой Миканба. Он сначала пошёл не торопясь, чуть пригнувшись, затем ускорил шаг и скрылся в темноте. Миканба двигался следом, метрах в десяти.

Скрытый кукурузником балаган, куда направился Разведчик, находился на выступе, метрах в трёхстах от противника. Местные грузины наверняка знали про его существование. Помню, рядом располагался молодой персиковый сад, который в эту осень давал первые плоды. Стены балагана были дополнительно обшиты железнодорожными шпалами, так что внутри можно было чувствовать себя в безопасности. В нём и находились наши ребята, к слову, будущие «волкодавы» отряда, которые в ожесточённых боях собственным примером увлекали остальных: Вадим Чкотуа, Астамур Абаш, Джон Кварацхелиа, Осман Гумба, Анзор Тания, Рауль Гунба, Аслан Барцыц.

В это же время, как потом выяснилось, небольшая группа вражеских лазутчиков уже зашла к нам во фланг, так как фронт был не сплошным. Да и где взять столько людей? В отрядах было по тридцать-сорок человек, а когда через несколько дней пошли на Гагру, набралось всего около трёхсот бойцов.

Разведчик почувствовал неладное: что-то было не так, как обычно. Почему-то противник вёл огонь только с правой

стороны, а с левой как будто вымер. Во время войны случается неожиданно столкнуться лоб в лоб с противником, буквально в метре от себя, но это очень редкое явление, один шанс на тысячу. Вот к такому шансу и шёл Разведчик. Он никак не ожидал, что, открыв калитку, ведущую в небольшой дворик, услышит грузинскую речь.

– Шэхыс, шэхыс, шэхыс... стреляйте... стреляйте, – кричал Разведчик, не переставая сам стрелять на ходу в упор, – ора, арт ара икоуп, шэрехс, шэрехс!¹

Это продолжалось считанные секунды... Но тут грузины, которые затаились сбоку, в углу двора, сразили его автоматной очередью. Противник, замышлявший неожиданно атаковать нас, вынужден был открыть беспорядочную стрельбу и скрыться в кукурузнике.

Спас нас Разведчик, как пить дать спас. Он лежал, скорчившись на траве, и тихо стонал: «Мама... мама». Кто-то зажёг спичку, и я увидел перебитое плечо и небольшую рану на животе. Мы видели, что ему очень больно, но помочь не могли: тогда, в начале войны, не было у нас болеутоляющих препаратов.

Дальше мы всё делали очень быстро. Одна группа осталась прикрывать, вторая, со свежими силами, была на подходе, а третья уносила раненого на плащ-палатке. Ночью, да по пересечённой местности – и так дело не из лёгких, а тут ещё попробуй боль не причинить...

– Неужели не выживет, – мелькнула у меня мысль. – Всё-таки серьёзная рана только одна, чуть выше пупка.

Но Разведчик уже понимал, что не жить ему больше, и всю эту долгую дорогу, почти полтора километра в темноте,

¹ Слушайте, они здесь, стреляйте по ним! (абх.).

просил положить его на землю и напрасно не тратить силы. А мы, ещё неопытные, впервые столкнувшись с тяжёлым ранением, думали, что чем быстрее донесём, тем больше у него шансов.

– Потерпи, браток, – повторяли мы. – Вот только доберёмся, а там самые лучшие врачи быстро поставят тебя на ноги...

У штаба, где уже ждала машина «Скорой помощи», Разведчик потерял сознание. Нана Акаба, наша первая медсестра, быстро осмотрела его и как-то странно покачала головой, не сказав больше ни слова. Раненого увезли в госпиталь, а мы, терзаясь нехорошими предчувствиями, вернулись на позиции. Перед рассветом к нам пришёл бригадный командир Гена Чанба и сообщил, что Разведчик погиб от восьми пулевых ранений калибра 5,45, которых мы не сумели разглядеть в темноте и суматохе.

Скоро мечта нашего Разведчика сбылась: мы освободили Гагру и дошли до границы. У отряда появилась новая мечта – освободить от подлюк нашу столицу, Сухум. Понимали, что не всем суждено дожить до Победы, но знали, что те, кто останутся, всегда будут помнить тебя, Рома Барциц. Ты был первой боевой потерей отряда, первым, отдавшим жизнь за Абхазию. Земля тебе пухом, Разведчик.

Роман Георгиевич Барциц, погиб 25 сентября 1992 года.

Из цикла «Фронтовые записки». Январь 1993 г.

Роин Агрба, Темур Надарая

Бои на Мамзышхе

Рано утром 29 августа 1992 года на гагрском направлении отряд южноосетинских добровольцев сделал вылазку на грузинские позиции у трассы. Они уничтожили группу курсантов тбилисской школы милиции и взяли до 15 трофейных автоматов.¹

Часом позже бойцы двух абхазских отрядов под командованием Шамиля Басаева и Рафаэля Ампар по центральной автотрассе быстрой перебежкой переместились от своих позиций у пицундского поворота до здания Красного Креста. Сгруппировавшись, бойцы свернули направо, на север, и по бездорожью начали взбираться на сопку. По её вершине параллельно трассе шла дорога, которая начина-

¹ Сообщение Роина Агрба 11.06.2012 г. в социальной сети <http://www.facebook.com>

лась западнее (на занятой госсоветовцами стороне), а на уровне здания сворачивала в сторону гор.

На повороте размещался грузинский блокпост: пулемётчик зажал абхазских бойцов на подъёме. Доброволец-абазин² (бывший «афганец») поднялся во весь рост, стреляя, побежал прямо на него и подавил огневую точку. Крикнул товарищам: «Ну, всё – выходите!» Подоспевшие бойцы увидели труп пулемётчика и БМП³, стоявшую чуть восточнее. Убитый был очень толстым и лежал на ярко-красном китайском покрывале.

В этот момент из-за БМП открыли огонь. Ополченец из г. Гудаута Джемал (фамилия у него звучит как турецкая), несколькими гранатами уничтожил противника. За бронемашиной обнаружили 8 трупов грузинских милиционеров (согласно найденным при них документам, все они были гагрцы). БМП была взята без повреждений, но в бою этот ценный трофей пригодиться не мог: у машины сел аккумулятор, а эвакуировать её можно было только по дороге, которую ниже контролировал противник. Так что обрадовались больше тому, что обнаружили в машине семь снарядов, которые сразу же переправили вниз и поделили между двумя нашими БМПшками. К месту боя поднялся С.П. Дбар⁴, похвалил бойцов за успешно проведённую операцию, но сказал, что, в связи с невозможностью использования, БМП придётся сжечь. Роберт Кварчия за-

² Это мог быть Энвер Кенжев или Омар Кошиев.

³ Боевая машина пехоты.

⁴ Сергей Платонович Дбар (1946–2002) – кадровый офицер СА, руководитель операции по освобождению Гагры, впоследствии командующий Гумистинским Фронтом, начальник Генштаба ВС РА.

протестовал, попросил ничего не предпринимать до его возвращения и ушёл в сторону нашего тыла⁵.

Минут через тридцать после уничтожения пулемётной точки грузины предприняли контратаку под прикрытием бронетехники. Их БМП выезжала на открытое место, вела огонь и снова скрывалась между домами. Абхазский гранатомётчик выстрелил в дом, за которым стояла БМП – снаряд, пролетев через окна насеквоздь, попал в машину и поджёг её!⁶

Шамиль Басаев когда узнал, что грузинское БМП было подбито через дом, даже сказал такую фразу: «Вы, абхазы, воевать не умеете! Но, блин, вы такие фартовые!»

Тем временем Роберт Кварчия – весь мокрый от пота, с камазовским аккумулятором на плечах – вернулся к трофейной БМП. Сменил аккумулятор, завёл машину и один, без экипажа, двинулся по направлению вражеского удара: спустился к трассе, на скорости проскочил грузинские позиции, а потом достиг расположения наших. Подъезжая, он высунул руку из БМПшки, ребята узнали и не стали стрелять⁷.

После уничтожения группы тбилисских курсантов наступила так называемая громкая тишина, как бывает перед бурей. Узнав, насколько значительными были потери, гру-

⁵ Сообщение Роина Агрба 11.06.2012 г. в социальной сети <http://www.facebook.com>

⁶ Сообщение Роина Агрба 11.06.2012 г. в социальной сети <http://www.facebook.com>

⁷ Сообщение Роина Агрба 11.06.2012 г. в социальной сети <http://www.facebook.com>

зинское командование организовало новое наступление, уже более мощное по привлечённым силам и средствам. Несколько единиц бронетехники – БМП-1 и БМП-2 – и до 500 человек пехоты атаковали абхазские позиции на центральной автотрассе.

В самом начале атаки командир абхазского БРДМ⁸ Виктор Шершелия, подбегавший к своему бронеавтомобилю, был ранен и взят в плен. БРДМ был сожжён врагами. Шершелия убили в плена, тело сожгли во дворе гагрской больницы.

Бой длился около часа. Госсоветовцы смогли выбить наших с переднего края обороны, но дальше не продвинулись: абхазы немного отошли назад и закрепились на пригорке. Роберт Кварчия на БМП подбил грузинский танк и повредил их БМП, ещё одна БМП была подбита выстрелом из РПГ⁹ с наших позиций.

Потом они предприняли наступление ниже трассы, у птицефабрики, но абхазские бойцы, державшие там оборону, устояли. С наступлением темноты грузины прекратили попытки продвинуться вперед.¹⁰

Во второй половине дня на высоте у Красного Креста Александр Бардодым, Роин Агрба и ещё кто-то из бойцов увидели кровавый след, тянущийся в сторону ущелья, пошли по нему и спустились вниз. Стали звать раненого по-

⁸ Бронированная разведывательно-дозорная машина.

⁹ Ручной противотанковый гранатомёт.

¹⁰ Записано со слов Темура Надарая 26.07.2012 г. в г. Сухум.

русски, но он молчал, лишь после оклика на абхазском дал о себе знать. Это был защитник той сопки, захваченной госсоветовцами два дня назад, по фамилии Халваш. Раненого, которого считали пропавшим без вести, подняли наверх и перенесли к трассе, где его встретили братья.¹¹

Наступавший на абхазов вдоль центральной трассы батальон «Шавнабада» потерял 20 человек убитыми и до сотни ранеными. Их командир впоследствии заявил, что даже в Южной Осетии они не несли таких потерь, солдаты были полностью деморализованы¹². По «гнилушки» (со стороны птицефабрики) в это же время на абхазов ударил 1-й Гагрский батальон, но тоже не смог пробить оборону и увяз на месте. Это подразделение также было сильно деморализовано – после боя оба батальона пришлось снять с боевых рубежей на переформирование.

¹¹ Сообщение Роина Агрба 11.06.2012 г. в социальной сети <http://www.facebook.com>

¹² Из грузинского документального фильма «Как пал Сухуми». Автор фильма М. Басиладзе. Общественное вещание. 2006 г.

Авто Гарцкиа

ОХОТНИК

Бабурику Мамацеву из Лыхны посвящается

Это было в самом начале войны. Наш отряд занял позицию в трёхстах метрах от пицундского поворота, в эвкалиптовой роще по обе стороны от железной дороги, на небольшой возвышенности по отношению к противнику.

Выгодную дислокацию нам указал опытный командир Мухамед Килба, пришедший на помощь из-за Кавказского хребта. Необыкновенно спокойный, уравновешенный, всем своим поведением вселяющий надежду и уверенность красивый мужчина лет тридцати. С ним прибыли ещё трое хорошо вооружённых молодых ребят, которые тоже держались так спокойно, будто приехали на летний отдых пострелять перепелов. И они были, как на подбор, симпатич-

ными людьми. Пишу об этом так подчёркнуто, потому что позже я повидал немало людей, приехавших воевать, но не внушающих особого доверия.

Там мы и назвали свой отряд – «Эвкалипт». Эвкалипт очень полезное дерево, он идеально высушивает заболоченные места, превращая их в зелёные лужайки. Вот и мы рассудили, что каждый человек в отряде будет обязательно чем-то полезен. Я прошёл службу в морской пехоте Балтийского Флота, к тому же был прилично начитан, так что знал кое-какие простые истины о войне. Знал, что тех, кто идёт впереди, будет всегда не больше 10–20 процентов от общего числа бойцов. Эти смельчаки, храбрецы, авантюристы будут драться при любых обстоятельствах, собственным примером увлекая остальных. Но в бою ведь нужны и те, кто поднесёт вовремя снаряд для гранатомёта или хотя бы пачку патронов подбросит в критическую минуту! А что может быть важней и выше, чем помочь истекающему кровью раненому? Причём риск получить свою долю свинца тут никак не меньше... Потому и решили – «Эвкалипт».

Заняв отведённую нам прифронтовую зону, мы продолжали доформирование отряда. Вначале нас было человек двенадцать городских, из Гудауты, после стали прибывать и сельские ребята, по два-три человека в день. В основном без оружия, в лучшем случае с берданками. Занимались будничными солдатскими делами: ходили в разведку, ночью делали вылазки на позиции противника – немного пострелять, чтобы не спали там спокойно... А сами, когда выдавалась минутка, от всех физических и эмоциональных перегрузок, впервые выпавших на нашу долю, просто падали и забывались мёртвым сном. Даже если по нашим позициям колошматили из миномётов.

В одну из тех ночей я прилёг в наспех сделанном шалаше, обложенном ветками эвкалипта, и провалился в глубокий сон. И тут, как будто наяву, вижу, как спускается с небес очень высокий седой старец с бородой до колен, с посохом в руке, и говорит:

- Человек, кто тут у вас командир?
- Ну, я командир, – отвечаю, подняв на него глаза.
- А как ты думаешь, командир, зачем я сюда спустился?
- Не знаю, – отвечаю я ему с почтительной осторожностью, а у самого всё тело будто ватное и не шевельнуть ни клеточкой, – не могу же я читать твои мысли.

– А ты подумай. Одного я уже забрал, остались ещё двое.

Одного – значит, Разведчика, который погиб четыре дня назад. И только эта мысль мелькнула в голове, как он отвечает:

- Да, ты прав.

В нашем отряде прозвища были только у троих: Разведчик, Охотник и Художник.

Разведчик – потому что сам вызвался им быть, не многим хотелось ходить в разведку. Охотник – до войны слыл хорошим охотником. Художник был и вправду настоящим художником, его картины, в стиле Ван Гога, выставлялись в Европе. Но главное – эти парни были не такими как все. Разительно отличались от остальных и собственной точкой зрения, и суждениями.

– Не отдам! – отвечаю я старцу. – Идёт война, у нас каждый человек на счету.

– Вот в том-то и дело, что воевать им нельзя. Не должны такие люди убивать других людей.

– Как так нельзя? – заспорил я. – Враг к нам домой зашёл, все должны поднять оружие, у нас нет другой Родины.

Так мы проспорили до утра. Просыпаюсь и не могу понять: ощущение, будто вернулся с другой планеты, энергии во мне через край и такая уверенность, что буду бить этих подлюк до конца войны и всю оставшуюся жизнь!

Два дня этот сон преследовал меня. Не выдержал и решил всё-таки рассказать о нём ребятам: так, мол, и так, боюсь я чего-то этого старика, будь он неладен. Пусть Охотник и Художник займутся другими делами. Человек может быть полезен и в мирном труде.

Но после того, что услышал в ответ, я пожалел, что звёл этот разговор: умереть можно и дома... от судьбы не уйдешь... всё равно когда-нибудь придётся спрыгнуть в ящик, так лучше за Родину... На том обсуждение и закончилось.

Вскоре наш «Эвкалипт» принял боевое крещение – освобождение Гагры. Дошли до границы на реке Псоу, а после нас бросили ещё и в горы, в село Аибга, на зачистку.

Бабурик – так звали нашего Охотника – был симпатичным молодым парнем, лет двадцати шести, крепкого телосложения. Человеком высокой нравственности и, что не менее важно, ответственности. Пожалуй, он лучше всех знал Апсуара, национальный кодекс чести абхазов.

Пока отряд находился в эвкалиптах, мы не уставали дивиться его хозяйственным талантам. У нашего очага всегда было копчёное мясо, благо хороший молодняк-выводок свиней постоянно вертелся поблизости, свежие овощи и, конечно же, добрая домашняя водка. Понимал Охотник, что нужно истинному абхазцу для полного счастья: хорошая закуска и возможность выговориться в длинных тостах за будущие победы.

Ну и, конечно, Охотник знал толк в охоте. Она была его любимой темой, овеянной всячими хитростями и тайнствами. В них обязательно присутствовал грозный лесной бог Ажвейпшаа, карающий излишне кровожадных людей.

Как ни странно, у Охотника с самого начала войны и до последнего дня его жизни не было боевого оружия. Но при этом пользы в сражении он приносил куда больше, чем те, кто строчил из автоматов в небо! Со временем уже почти все бойцы обзавелись автоматами, пулемётами и даже гранатомётом, а он, не скрывая, завидовал им.

– Ничего, добуду в бою, – улыбаясь, говорил Охотник.

В начале ноября «Эвкалипт» совместно с другими отрядами вышел в поход через горы. Задача стояла не из простых: зайти противнику в тыл и нанести удар с высокой северной стороны.

Все, кто участвовал в этом походе, вспоминают его как спуск в ад. Охотник, привычный к горным тропам, уверенно вёл нас в безлунной ночи. Только тогда я понял, что называется: хоть глаз выколи. Мы падали, вставали, затем опять падали, снова вставали – и так до бесконечности. Было холодно, а с нас пот шёл градом. Даже Охотник запыхался к концу перехода. Всю дорогу он то и делал, что помогал нам: давал полезные советы, кого-то нёс, кого-то поддерживал на склонах, а сам был весь увшан автоматами и боеприпасами тех, кто совсем обессилел. До базы мы дошли в таком состоянии, что вода в родничке, который был у подножья скалы, показалась нам самой вкусной пищей на свете.

А вскоре, усталые, голодные и злые, мы пошли в бой. Охотник, как и прежде, тащил на себе снаряды к грана-

томёту и патроны. Первая же атака, на развилке дороги в районе Гумы (чуть ниже справа был Каман, а левее и выше Шрома), увенчалась успехом. В считанные минуты были уничтожены БМП, две машины и несколько десятков солдат противника.

Пока мы разбирались, кто где, смотрю, стоит наш Охотник весь в трофеях – за плечом автомат, в руках гранатомёт. А сколько счастья было в его глазах: вот, мол, видишь, достал-таки оружие в бою. Я поздравил его, он улыбнулся в ответ. Помню, как именно в тот момент у меня будто что-то сжалось в груди. Я сказал: «Не торопись, Бабурик – это твой первый бой с оружием, а здесь звери пострашней, чем на охоте». Он ответил: «Урт ирзызую убап!» – «Увидишь, что я с ними сделаю!»

Почувяв вкус победы, мы самоуверенно вошли в ловушку. Бой в горах имеет свои особенности – это место, где условия диктует сама природа. План операции был нарушен. За девять часов непрерывного боя мы, уткнувшись в Каманский мост, от которого начинался подъём на Шрому, не только не сумели продвинуться вперёд, но и потеряли многих друзей.

Противник обрушил на нас весь свой арсенал: закопанный танк, авиация, вертолёты, миномёты... Только от одной мысли, что придётся отступать, голова шла кругом. Столько километров пройти в горах, а теперь ещё возвращаться! Кто это сказал, что лучше гор могут быть только горы? В эти минуты мы готовы были воевать даже в самой жаркой пустыне мира, лишь бы она была ровной. К концу дня все настолько вымотались, что уже каждый бился, как мог.

И в этой страшной перестрелке наш Охотник «выпisyвал» из гранатомёта такие оплеухи грузинам, что те в какой-то момент вынуждены были сосредоточить на нём весь свой огонь... Он падал десятки раз и столько же раз вставал, делал перебежки, потом кувыркался, уходя от прицельного огня, будто танцевал свой последний танец. В те минуты он понял, что вызвал огонь на себя и хотел продать свою жизнь подороже. Видать, сказалась охотничья закалка. Он уже уничтожил на своём фланге два пулемёта противника, но ещё откуда-то били и неизвестно сколько... Он заряжал и стрелял, заряжал и стрелял, разложив снаряды по периметру для удобства, а трофейный автомат так и висел у него за спиной.

Уже видно было, что противник подобрался совсем близко к нему. Вдруг Охотник упал, а через несколько секунд, встав, схватился за ногу, после за плечо... Мотнув несколько раз головой, он прыгнул в сторону и опять, зарядив РПГ, уже наугад выстрелил в сторону грузин и так несколько раз... Никто не мог ему помочь, никто. Он был отрезан от нас миномётным огнем, а ведь артиллерийское училище в Тбилиси было одним из лучших в СССР...

Настал момент, когда гранатомёт Охотника умолк. Так и есть – снаряды кончились... Раздался взрыв, дым быстро рассеялся. Охотник лежал на спине, как-то по-детски, и, закрыв лицо руками, уже не дышал. Смерть пришла к нему быстро.

Мы так и не смогли добраться до него, а после с тяжёлым сердцем отходили, унося с собой раненых. Живые ду-

мают о живых. А Охотник так и остался там, за Гумистой... После его обменяли на живых пленных грузин.

Прости, Охотник, что не настоял я на своём, хоть и рассказал мне всё тот старец, как наяву... Не узнал ты и о том, что третий из вас, Художник, уже вроде угомонившись и рисуя дома картины о войне, не выдержал и всё-таки пошёл в последний день войны увидеть своими глазами освобождённую столицу. И не вернулся.

Разведчик – Роман Георгиевич Барциц, погиб 25 сентября 1992 года.

Охотник – Бабури Борисович Мамацев, погиб 3 ноября 1992 года близ села Шрома.

Художник – Заур Кучкович Аджба, погиб 25 сентября 1993 года в городе Сухум.

Из цикла «Фронтовые заметки»

Роин Агрба

Бахадыр Абагба

Перед началом операции по освобождению Гагры мне было поручено командование взводом добровольцев – потомков махаджиров, репатриантов из Турции. Взвод получил один РПГ, но никто из бойцов пользоваться им не умел. Сначала я хотел отдать гранатомёт в другое подразделение: оружие тогда у нас было всё наперечёт, и автоматов-то не на всех хватало. Но, за час до отправки из села Бзыбь на исходные позиции, ко мне подошел доброволец Бахадыр Абагба: «Я служил гранатомётчиком в турецкой армии. Между американским гранатомётом и его российским аналогом большой разницы нет, так что я могу пойти с ним в бой».

После этого я доложил командиру отряда Шамилю Басаеву о готовности к наступлению, добавив, что мой взвод усилен одним гранатомётчиком. Согласно полученному

приказу, взвод без открытия огня должен был проникнуть в тыл противника. Мы выдвинулись со стороны горы Мамзышха в сторону эстакады. Не доходя до неё метров 150, притормозили и стали внимательно изучать передвижения противника.

Наступление началось. Шамиль Басаев, приказав пока не открывать огонь, спустился для разведки вниз, к дороге, ведущей от Армянского ущелья. В это время между домами появился грузинский танк, который обстрелял наших ополченцев, наступавших по центральной автотрассе, и, маневрируя задом, скрылся за домами. На дорогу из ущелья выехала «копейка» красного цвета, набитая грузинскими гвардейцами. Стволы автоматов «пассажиры» выпустили наружу, отчего «копейка» стала похожа на ёжика. Шамиль вместе с другими разведчиками обстрелял её: легковушка врезалась в бетонную стену, а «пассажиры» были уничтожены.

В это время огонь открыли и бойцы, находившиеся выше по склону горы. Я вызвал к себе гранатомётчика. Подбежали Бахадыр Абагба и его помощник Зафер Аргун, который нёс в мешке снаряды для РПГ. Я показал им дом, за которым скрылся грузинский танк, и скомандовал приготовиться к огневому поражению, когда он опять выйдет на открытую место.

И тут я наблюдаю странную картину: Бахадыр берет гранату и вертит-крутит перед собой задом наперёд. Меня как будто током ударило: «Он же впервые в жизни держит эту бандуру... блин, Шамиль убьёт меня!»

Бахадыр виновато посмотрел на меня и признался: «Я согрешил перед тобой. Я служил в стройбате и в жизни не держал гранатомёта в руках». Безоружный, он соврал, что умеет пользоваться гранатомётом, чтобы его взяли в бой...

Второпях я показал ему, как пользоваться гранатомётом. Вместе мы зарядили его и подготовились к удару. Танк выкатился из-за дома и встал к нам задом, я скомандовал: «Огонь!» Бахадыр, первый раз в жизни стрелявший из гранатомёта, промазал. Я с досады выдал на бойцов, которые в то время совсем не знали русского языка, весь запас имевшегося у меня мата! Но вторым выстрелом Бахадыр подбил танк – с расстояния около 130 метров.

Мы воспользовались моментом и продвинулись вниз, к дороге. Противник открыл шквальный огонь, ранил четырех бойцов, но ни одного насмерть. Взвод вступил на территорию Гагры.

В горячке боя Бахадыр так увлёкся, что оторвался от нас и рванул вперёд со своим граником и одним-единственным снарядом. И тут из-за переулка выскакивает автобус, полный грузин! Его преследовали абхазские бойцы: увидев Бахадыра с РПГ, они закричали: «Давай! Давай!» Бахадыр, не знающий русского, принял их слова за приветствие и радостно замахал руками.

Автобусу уже почти удалось проскочить, когда к Бахадыру подбежал ещё кто-то из абхазов и заорал: «Грузины, стреляй, грузины!» Но бедняга Бахадыр и этого слова не знал! Тут боец, видимо, сообразив, что гранатомётчик – репатриант, крикнул ему: «Гурджи, гурджи!» Бахадыр Абагба выскочил на середину трассы и выстрелил. Прямым попаданием в заднюю часть он поразил автобус, который сгорел дотла вместе с находившейся в нём грузинской пехотой.

Впервые опубликовано 20.06.2012 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Темур Надараия

Мыса Аршба

Владимир (Мыса) Багратович Аршба родился в 1966 году в селе Моква (Мыку). Не семейный.

28 августа 1992 года войска Госсовета Грузии почти без сопротивления (просто нечем сопротивляться было) на танках вторглись в село Моква и сожгли 28 домов, в том числе и дом Мысы. В тот же день грузинами был расстрелян во дворе своего дома безоружный старший брат Мысы, Заур Багратович Аршба.

Мыса с первых дней войны сражался в рядах партизан. Позже он стал бойцом батальона «Каскад», самого крупного на Восточном Фронте (около 450 человек).

После Июльской операции Мыса Аршба был назван в числе лучших солдат батальона. Проявил героизм в бою у села Лашкиндар, где была пробита оборона противника и

перекрыта стратегически важная трасса Очамчыра–Сухум. Схватки на этом участке были из самых кровопролитных, не раз доходило и до рукопашной. От артиллерийских обстрелов со стороны грузин буквально земля горела.

Вскоре после начала боёв Мыса пропал без вести. Его искали, но так и не смогли найти.

Через месяц, во время перемирия, поиски были продолжены. Нашли бойца возле небольшой лощины, где протекал ручеёк. Внизу лежали двое погибших: один на спине, другой на нём, сверху.

Скорее всего, безоружный Мыса спустился за водой, это было недалеко от позиции. Но туда же за водой пришёл и грузинский гвардеец.

Схватились в рукопашную. Мыса – высокий, стройный мужчина – от природы был наделён большой физической силой. Он повалил противника на землю. У грузина был пистолет, он изловчился и, лёжа на спине, выстрелил. Но Мыса мёртвой хваткой вцепился ему в горло и, уже смертельно раненый, сумел задушить! Тела почти разложились, но руки воина всё ещё были сомкнуты на шее врага. Пистолет валялся на земле – рядом с входным отверстием раны Мысы.

Так героически погиб Мыса Аршба. Посмертно не награждён.

Вечная память ему и всем отдавшим жизнь за Родину!

Впервые опубликовано 30.06.2012 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Алексей Ломия

Спасибо тебе, Абзагу!

Командиром боевой машины пехоты – БМП-2 – я стал волей случая. В первый месяц войны, как и многие из нас, был безоружным. Когда началось Гагрское наступление, наш тогдашний командир Амиран Берзения приказал ехать на подмогу и добывать оружие в бою. Я стал ловить попутку, и тут рядом со мной притормозил автокран. В нём в Гагру ехали двое ребят: Батал Инапшба и русский парень из Сухума, Саша, со снайперской винтовкой.

На въезде в город нас остановил пикет. Мы объяснили, что едем поддержать наших, хоть и без оружия. Кто-то спросил, умеем ли мы управлять боевой техникой? Я, недолго думая, сказал, что по военной специальности – командир БМП. Батал умел управлять трактором. Саша соображал в электронике. Вот так неожиданно у нас сложилась команда!

На самом деле я был тот ещё знаток БМП... Только тогда осознал, как был не прав, когда в МГУ практически все зачёты и экзамены на военной кафедре сдавал через пресловутые две бутылки коньяка «Самтрест». Когда было совсем тяжко, приплюсовывал ещё и «Золотое шампанское». Но так поставили дело сами преподаватели: раз «черно...й», неси коньяк! По-другому получить зачёт было нереально, да и, если честно, не было особого желания протестовать. Знать бы тогда, что судьба заставит воевать, да ещё на БМП! Я бы зубами грыз военную науку, благо оснащение и преподаватели на кафедре были что надо: техника и тренажёры самых последних разработок, офицеры практически все – «афганцы». Но тогда я был только рад отвязаться.

Как только добрались до Гагры, у всех встречных спрашивали, не попадались ли где БМПэшки. И наконец – удача! Стоит, голубушка, на берегу моря, целёхонькая, да не просто БМП, а БМП-2! Мы нарадоваться не могли! Правда, выяснилось, что у неё отсырел генератор, видимо, оккупанты, увлекшись мародёрством, не ухаживали за ней. Батал быстро смутился, в чём проблема и уже к вечеру мы завелись!

Я окрестил БМП в честь своей дочери, которая родилась в самом начале войны: «Анана». С этой машиной мы пережили немало приключений. Целая эпопея была с «убитым» блоком вертикальной наводки, который, в конце концов, пришлось банально купить на российском военном аэродроме в Бамборо. Потом мы на ней в прямом смысле слова сбежали на фронт. Командование почему-то решило, что такую уникальную технику (БМП-2 у всей абхазской армии тогда была одна-единственная) надо беречь, поэтому

оставить её в береговой охране Гудауты. Естественно, нам это было не по душе! Что, от чаек охранять?! Когда нас на третий день нашли уже на линии фронта, во взводе Валеры Делба, меня даже хотели отдать под трибунал за нарушение приказа! Сейчас так смешно это вспоминать.

Мы быстро вошли в строй, обжились на Гумисте. Наводчика Сашу, который недолго был в экипаже, заменил Лаша Зухба. Аслан Зухба, Рамаз Авидзба и Нугзар Харебава были нашим десантом. Позывной нам дали «Игрок-69».

Всей командой начали осваивать с нуля военную науку: как заряжать, как чистить пушку, как выходить на связь. И всё это в бешеном темпе! К тому же автоматическая пушка была очень капризной, требовала особого ухода и познаний. Нам повезло, что Батал обладал природным талантом, как говорится, «кушал» технику: и в моторе разбирался, и в вооружении, и гусеницу мог натянуть. К тому же механик был очень сильным, выносливым и трудолюбивым парнем. Без него нам, сухумским, как нас называли, «батареечным» (то есть привыкшим к батареям центрального отопления, не-приспособленным к сложностям), пришлось бы тугу! Я всегда очень тепло вспоминаю Батала. После войны его занесло в Питер и, увы, не совсем удачно сложилась его судьба.

Но даже при всех своих дарованиях Батал не мог обойтись без специальных инструментов. Добывать их мы пошли в российскую воинскую часть – знаменитую сейсмолабораторию в Нижней Эшере. Попросили солдатиков раздобыть для нас ЗИП (запасные инструменты и приборы). Они начали отнекиваться: мол, откуда у нас, да как отдадим, под трибунал подведёте... И вдруг одному при-

глянулась моя куртка: у меня была рыжая кожаная куртка-разлетайка, перед войной в Турции купил – предмет моей гордости и зависти многих. Солдат восхищённо помял кожу и многозначительно протянул: вот бы мне такую курточку классную! Ни минуты не раздумывая, я её снял и предложил обмен. Так у нас появился свой ЗИП!

Очень благодарен я одному молодому русскому офицеру из этой части, Эдиком его звали. Он нам здорово помог, научил практически всему: как выбирать цель, как выставлять расстояние, как правильно стрелять. Причём мог и на деле показать... Так вот, когда Эдик обстреливал позиции противника, он всегда громко пел! Что-то несуразное, фальшивил страшно, но пел! Он просто кайфовал!

Как-то мы разговорились, он рассказал, что к началу карабахского противостояния его часть была на территории азербайджанцев. Он воевал и помогал им. Потом их перекинули на армянскую территорию. Он воевал и помогал уже армянам. Конечно, я спросил, что он будет делать, если его перекинут к грузинам? Эдик прямо сказал, что будет и там воевать, но уже против нас: «Пойми, Алексей! Я потомственный военный! Мой дед, отец – все воевали! И я люблю воевать! Это моё!» Трудно мне было его понять, но честность я оценил.

Так или иначе, но именно благодаря Эдику наш экипаж вскоре был готов действовать самостоятельно. Валера Делба определил нам участок на Кутышхе, и мы стали кусать грузинскую оборону. Однажды выехали практически на открытую позицию и обстреляли вражеское укрепление у водокачки. Один из снарядов угодил в бак с хлором, ядовитое облако поползло на грузинские позиции напротив

эшерской спортбазы. Ходили слухи, что даже потравили мы врага, по крайней мере, после этого грузины подняли шум на весь мир, что абхазы применили химическое оружие!

Ещё мы охотились за машинами, которые подвозили личный состав по маякской трассе к вражеским позициям. Однажды засекли и подожгли их БТР, спрятанный в кустах, потом как-то приглушили вражеского снайпера, подлавливали врагов во время пересменок. Практически вся линия фронта напротив нас была пристреляна, везде мы знали расстояние до цели плюс-минус 20 метров. А если знаешь расстояние, можно посадить снаряд прямо в «десятку», Советский Союз уж что-что, а военную технику делал изумительную!

Потом стали практиковать совместные налёты: выходили на стрельбу одновременно с другими БМПЭшками и танком. Все вместе мы так насолили врагам, что они открыли на нас охоту. По фронту пополз слух, что грузиняки наняли какого-то крутого профи, который стал отслеживать нашу технику с ПТУРСом. ПТУРС – противотанковый управляемый ракетный снаряд – страшная штука для любой техники! Задача стреляющего: просто держать в перекрестьи цель, и тогда в неё неминуемо попадёт ракета, управляемая джойстиком.

Первой «удачей» этого профи стал Валера Делба. По договорённости, мы должны были выйти вместе на открытые позиции и одновременно начать обстрел, но тут у нас за клинила пушка. Это часто бывает, если снаряд неправильно загнан в ленту: боёк не достаёт до капсюля и снаряд застревает. Чтобы его вытащить, надо сделать сложные манипуля-

ции: в особое положение поставить пушку, открыть затвор и специальным рычажком выкинуть снаряд из ленты, при этом загоняя другой на линию огня. На всё про всё уходит секунд 20–30, но в этот раз пушку заклинило конкретно и мы вынуждены были отъехать в укрытие. Стали разбирать пушку, и тут прибегают разгорячённые командиры и чуть ли не обвиняют нас в том, что подбили БМПэшку Делба, якобы мы его не прикрыли. Абсурд, конечно! Валера поймал ракету практически в лоб, его сильно обожгло, потерял глаз... Но, несмотря на это, уже через три-четыре месяца он командовал новенькой БМП-2. В Июльском наступлении Валера погиб в Шроме, под артобстрелом... Светлая ему память!

Конечно, для нас это было ударом: потерять в позиционной войне целую БМПэшку! Подбитая, она загорелась, огонь перекинулся на боекомплект и машина фактически выгорела дотла. Мы были раздосадованы и горели желанием отомстить за Валеру. Уже на следующий день запланировали небольшую операцию по обстрелу сухумской водокачки, где каждый день сменялась группа вражеских солдат из 15–20 человек.

По данным разведки, во время пересменки, приблизительно в час дня, в здании водокачки могло находиться сразу человек 40. Задачей было попасть в окна, уложить в них длинную очередь ОФЗ (осколочных фугасно-зажигательных снарядов). Мы тщательно зарядили ленту, чтобы больше не было осечек, и улеглись спать.

Я долго не мог уснуть, всё размышлял о Валере Делба и о предстоящей схватке. Ведь толком никто не мог объяснить, откуда выстрелил ПТУРС, значит, и мы могли попасть в

ловушку. Я решил помечтать перед сном – часто именно такие фантазии помогали мне уснуть. Я представлял, как наша БМПэшка стоит в укрытии. Идёт бой. К врагу прибывают два-три «Урала» с подкреплением, они начинают выпрыгивать из кузова, и тут я жму гашетку... Странноозвучит, но во время войны это была самая сладкая грёза... В очередной раз этот приём сработал, и я провалился в сон.

Мне снилось, что я долго иду по тропинке, петляя между деревьями, в каком-то неведомом мне месте. Луна, тишина... Тропа выводит к какому-то домику. В окне – свет. Я открываю дверь,хожу,вижу ярко освещённую большую комнату и в ней много незнакомых людей. Вдруг к центру комнаты выходит... Абзагу! Да-да, именно он, мой друг детства Абзагу Гургулия, который геройски погиб в первые дни войны! Я сильно удивлён, но радости моей нет предела: живой! Я побегаю и хочу обнять друга. Но неожиданно Абзик делает шаг назад, становится в боевую стойку (он занимался каратэ), и наотмашь бьёт мне ногой в лицо, да ещё кинул резко: «Пошёл вон!» И всё так явственно, я даже ощутил силу удара. В мозгах вспыхнуло: За что? Почему? От острой боли и обиды я проснулся.

Уже рассвело. Спать больше не хотелось, и я вышел во двор. Так и сидел на лавочке, пока не проснулись остальные. Я никому не сказал про сон, но он меня очень озадачил. Я пытался анализировать: что я такого сделал? Почему Абзагу меня оттолкнул, да ещё и оскорбил?

Тем временем началась утренняя суeta. Батал прогревал мотор, ещё и ещё раз проверяя состояние всех агрегатов. Мы с Лашей решили пока выбрать боевую позицию. Лаша приглядел удобный выезд: метров 30–40 по открытому ме-

сту, потом поворот направо в сторону моря и уже там мы могли встать почти параллельно реке. Водокачка оказывалась прямо перед нами, в 800–900 метрах, а слева от возможного обстрела нас укрывал мандаринник. Только потом я понял, в чём заключалась наша оплошность: выбирали-то позицию с высоты человеческого роста, и нам не были видны крыши 16-этажек у въезда в город...

Я вышел на связь со штабом, доложил: «Я Игрок-69! Выхожу на работу!» Это тоже было непростительной ошибкой – конечно же, враг слушал нас! Наверняка тот профи сразу улёгся, взвёл ПТУРС и спокойно поджидал, когда мы покажемся.

По моей команде Батал проехал на выбранную точку. Я сидел на месте наводчика, а Лаша на месте командира. В этом тоже не было необходимости, в позиционке-то зачем выезжать вдвоём?! Но Лаша настоял: мол, буду отслеживать ситуацию и дам знать, если увижу вспышку ПТУРСа. Хотя, думаю, дело было в другом: ведь это он выбрал позицию и потом казнил бы себя, если б с нами без него что-то случилось.

Я быстро нашел водокачку в прицел. Сделал первые два-три выстрела одиночными. Поскольку расстояние до цели было известно, я сразу попал в окна. Переключил на очереди, дал одну, вторую... Какое неописуемое удовольствие слышать привычный лязг падающих «крабов» (гильза вылетает вперёд, наружу, а «крабы» в «крабосборник» в салоне)! Очереди чётко ложатся в цель, я вижу разрывы внутри водокачки и вдруг... Сильный качок, всё потухло и запах гари!

Кричу Баталу: «Что случилось? Почему заглох?!» Он отвечает: «В нас попали! Мотор разбит! Выбегайте!»

Проклятый профи подбил нас сверху, с тех самых 16-этажек. Основной удар пришёл чуть правее и срезал мотор. Большая часть огненной струи вырвала капот, который держался на паре десятков болтов, и разбила крышку двигателя. Вторая струя ударила в Баталу в спину и выжгла кусок ладони с две. Третья ударила в башню, прошлага её прямо под пушкой, по счастливой случайности не задела боекомплект (на тот момент в ленте было около 150 снарядов!) и наискосок ворвалась в салон.

Спасибо Эдику, который наставлял нас: «Люки в БМП ни в коем случае не закрывать! При попадании в машину гранатомётного выстрела или ракеты, в маленькое отверстие под огромным давлением заходит огненная струя! В замкнутом пространстве давление становится во много раз выше допустимого. В результате у экипажа вылетают глаза, ребра вдавливаются в легкие, прорывают их и человек захлебывается в собственной крови! Поэтому люки всегда должны быть открытыми, только тогда у вас есть шанс выжить, малёхонький, но есть!»

Вот и на этот раз наши люки были просто прикрыты, а от ударной волны распахнулись настежь. Я подтянулся и вылез из башни. Меня всего лишь засыпало множеством мелких осколков по всему телу. Они выходили из меня ещё года два-три (я даже «звенел» при прохождении магнитной подковы в аэропортах). Начали с Баталом отбегать в укрытие, и тут до нас доходит, что Лаши-то нет!

Вернулись к БМП, видим: Лаша по пояс вылез из люка и лежит бессильно. Забираемся, вытягиваем его, тащим – и в

этой суете я вдруг с ужасом понимаю, что у него нет правой руки! В момент удара он держал прицел и его плечо оказалось прямо на пути третьей струи, которая срезала руку, а уже потом ударила по люкам.

Чуть отойдя от первого шока, стали искать машину, чтобы срочно доставить Лашу в госпиталь. Он стонал от боли. На наше счастье, рана практически не кровоточила: струя просто выжгла плечо! Наконец поймали «жигулёнок», я крикнул водителю, что сейчас повезём раненого, и бросился к Лаше, лежавшему у обочины. И вдруг слышу: «Ауф! Вы же мне салон запачкаете!» – и легковушка с прокрутами срывается с места!

Ах ты... Я никого не люблю проклинать, но в ту минуту я проклял негодяя и буду проклинать до своего смертного часа! Слышал бы он, как тогда «сладко» провела время его мать и вся его родня...

Откуда-то прибежала медсестра, вколола Лаше обезболивающее. Он немного притих, но оставался в сознании. Наконец подъехал санитарный «Рафик» и мы поехали в госпиталь. Лаша трудно дышал (потом выяснилось, что была ещё и сильная контузия лёгкого), но непрерывно делал мне наставления: надо отомстить за Абзика, присмотри за моей семьёй, за братьями... Я, как мог, его успокаивал. На серпантине за пятиэтажкой водитель не вписался в поворот и вылетел с дороги. Но мы вдвоём сумели вытолкнуть машину назад: видимо, включились резервные возможности организма, сейчас, наверное, и с места бы её даже не сдвинули.

Наконец добрались до Афонского госпиталя. Лашу срочно начали готовить к операции. Я, весь в горячке, прижал хирурга к стене: «Дайте мне час времени, я привезу его оторванную руку! Надо её пришить!» В ответ слышу: «Парень! Ты в своём уме? Нам бы жизнь ему спасти: сильное ранение, отёк лёгкого! Какая, к чертам, рука!»

Врач так убедительно это сказал, что я наконец осознал страшную действительность. Нашёл кушетку, сел, стал понемногу приходить в себя.

И вдруг как ударило: вспомнил я свой сон! Абзагу даже с того света заботился о нас, предвидел, что мы попадём в беду, но прогнал меня, не пустил к себе!¹

Спасибо тебе, Абзагу!

Впервые опубликовано 26.05. 2013 года
в социальной сети <http://www.facebook.com>

¹ Согласно поверью, если умерший человек во сне оттолкнул от себя или ударил, значит, спящий может оказаться в ситуации между жизнью и смертью, но не погибнет.

Батал Джапуа

Бой на Чайсовхозе

5 ноября 1992 года на Восточном Фронте, на подступах к Моквскому чайному совхозу произошел бой. Он был знаменателен тем, что впервые противник спланировал операцию, направленную, прежде всего, на полное уничтожение партизан, оборонявших данную местность, и только во вторую очередь – на захват территории.

Как стало известно позже, план операции был таков: атаковав и уничтожив секрет слева от дороги (см. схему), открыть возможность для продвижения основной группы по трассе, в результате чего она должна была выйти на круговой поворот, и, соединившись с РДГ¹ №1, наступать в сто-

¹ Разведывательно-диверсионная группа.

рону посёлка Хухуаа-рху. В это же время РДГ №2 по лощине, расположенной вдоль трассы, должна была проникнуть глубоко в тыл и перехватить подступы к дороге. В случае успеха обеих РДГ и основной группы, противник планировал прорыв ещё по одному направлению – в сторону недостроенной чайной фабрики. Главной целью операции ставилось рассечение Восточного Фронта на две части, что удалось бы, достигни противник посёлка. В этом случае у него оказался бы плацдарм (включая село Кочара) шириной около 10 и глубиной до 15 км.

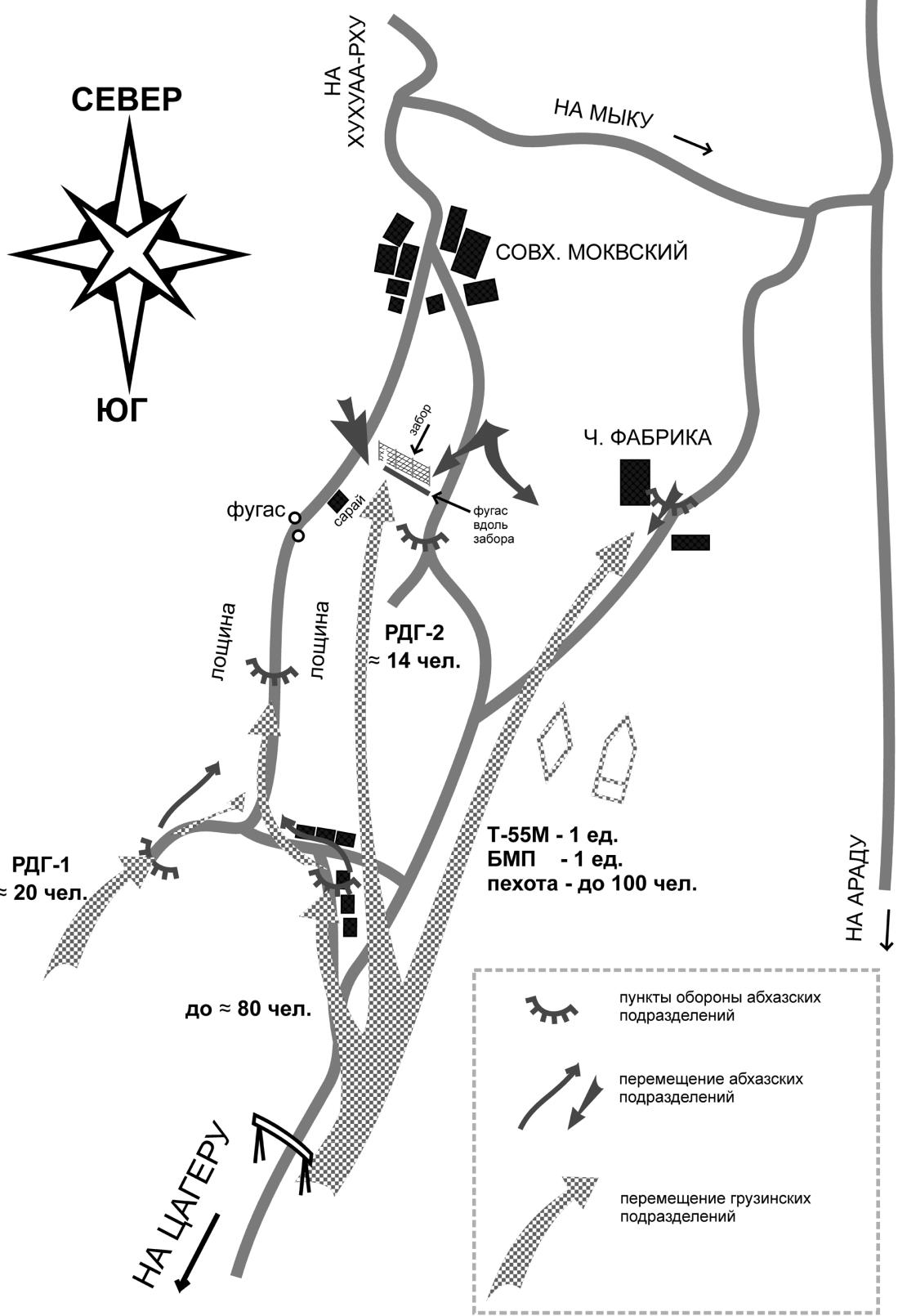
Территорию Моквского чайсовхоза обороняло небольшое подразделение (около 30 человек) под командованием Юры Какалия, вооружённое лишь автоматами и охотничими ружьями. В силу нехватки личного состава, вооружения и сложного рельефа местности, особые надежды возлагались на минирование оборонительных позиций, перекрывающее возможные пути продвижения противника.

Армейских мин не было, поэтому сапёры, местные умельцы, придумывали разные хитроумные взрывные устройства натяжного действия. Помню двоих: один – невысокий инвалид с костылями, другой – высокий, худой, в очках. К сожалению, фамилии забыл. Очень часто на этих самодельных минах подрывались барсуки и всякая другая живность, так что сапёрам приходилось постоянно ставить новые. Также по трассе были заложены мощные фугасы, изготовленные из кислородных баллонов, начинённых скальным аммонитом из ткуарчальских шахт. Недалеко от них были и пункты управления: окоп или некое крепкое строение, в нём размещено простое устройство в виде аккуму-

лятора с приделанной к нему дощечкой, в которую попарно вбиты гвозди, по количеству проводов от фугасов. Провода намотаны на гвозди, оставляя оголённые концы свободными – такой длины, чтобы ими можно было дотянуться до контактов аккумулятора. В случае плохой погоды, грозы, концы проводов перекручивали между собой, чтобы не возникало искры и не происходило спонтанной детонации фугасов.

Одна из таких взрывных ловушек была изготовлена из длинной (шести-восьмиметровой) трубы, проволоки и защёлки от холодильника. Труба, начинённая аммонитом ЖБ-19, была уложена в конце глубокой лощины, которая далеко вдавалась (от 800 до 1000 метров) в нашу оборону, под забором, который шёл поперёк лощины. Вдоль забора к трассе поднималась тропа. На том конце трубы, который был ближе к дороге, в железной сетке забора специально сделали разрез, куда мог прятиснуться взрослый человек, и установили поблизости натяжное устройство для взрывателя. Именно эта ловушка сыграла существенную роль в ходе боя.

Боевые действия начались рано утром, около 5:45–6:00, атакой РДГ №1 на секрет слева от трассы. Малочисленный секрет (6 человек), в результате внезапного нападения потеряв одного убитым, отступил, рассеялся. Начало боя совпало со временем пересменки наших бойцов. Сменщики были практически без оружия – им обменивались непосредственно на позиции. Одним из них был Джумбер Басария. Когда началась стрельба, он, увидев в зарослях при-

ближающихся грузин, метнул в них гранату Ф-1 – всё, что имел – и спасся тем, что бросился в заросли.

РДГ №1, ликвидировав секрет, открыла возможность основной группе выйти на поворот и объединиться с ней. Дальше они столкнулись с отрядом партизан в количестве 8–10 человек под командованием Рудика Тванба, которые оказали им ожесточённое сопротивление.

В то же время РДГ №2 скрытно продвинулась в наш тыл по лощине, пролегавшей вдоль трассы справа и, уткнувшись в забор, пошла вдоль него влево и вверх. По нашим предположениям, в случае успеха, кроме очевидных преимуществ, которые дала бы удачная дислокация, группа рассчитывала захватить пульт управления футасами и подорвать партизан, которые – в зависимости от обстановки – могли наступать или отступать по трассе.

Головной РДГ №2, обнаружив разрез в заборе, полез в него и сорвал растяжку. К этому моменту почти половина группы стояла вдоль забитой взрывчаткой трубы. Взрыв мгновенно смёл в лощину 6 или 7 человек: одни погибли сразу, в том числе и командир подразделения – майор огромного роста и крупного телосложения, другие были добиты подоспевшими к этому месту партизанами, так как даже раненые они продолжали сопротивляться. Уцелевшие кикели, отстреливаясь, отступили.

Потом противник, получив подкрепление, предпринял попытку отбить тела своих погибших. Но они были нужны нам позарез, чтобы потом их можно было обменять на заложников-сельчан или тела наших павших. Один боец, не взирая на стрельбу, спустился в лощину по крутыму склону на колёсном тракторе с самодельным лафетом спереди,

чтобы эвакуировать тела, их оружие и боеприпасы. С помощью подоспевших бойцов загрузив трактор, он таким же чудом сумел подняться по склону и отвезти тела глубоко в тыл, сложив их на территории пустующей сельхозфермы. Позже из штаба фронта поступила инфа, что РДГ №2 оставила кровавый след в Осетии, расстреляв колонну беженцев, и автором этих зверств был тот самый здоровенный майор – не знаю, правда или нет.

Воодушевлённые первыми успехами, партизаны сумели навязать противнику вязкий контактный бой, который я не смогу точно описать: тыл и фронт, свои и чужие перемешались, как слоёный пирог. Жаль, что не смогу – это важно, потому что в той ситуации наиболее ярко проявились личные качества каждого воина.

Вскоре к нашим стало поступать подкрепление со всех концов Восточного Фронта. Командир Юра Какалия сумел грамотно им распорядиться, направив основную часть прибывших на создание нового рубежа обороны, остальные бойцы включались в схватку, ориентируясь по обстановке. Свежие силы были очень кстати, хотя одновременно и внесли некоторый дискомфорт, так как многие партизаны не знали новоприбывших и не могли с ходу определить, где свой, где чужой. Даже если в поле зрения попадали точно свои, их опасно было окликать: в горячке сражения можно было вместо приветствия схлопотать пулю.

Видя, что план прорыва по центру не удался и бой распадается на отдельные очаги, противник решил атаковать наши левофланговые позиции по направлению на недостроенную чайную фабрику. Оборонительных рубежей у

нас там не было, и, чтобы как-то приостановить натиск, несколько автоматчиков и два снайпера обосновались кто где смог, и повели огонь по пехоте, сопровождавшей танк – человек сто их там было, а может, и больше. Наиболее эффективным был огонь снайперов. Однако танк быстро обнаружил точку одного из них, Капитан Адлейба, и подавил её из пушки: снаряды взрывались в кронах деревьев, под которыми залёг снайпер, одним из осколков он был тяжело ранен.

Противник вслед за танком продолжил продвижение вдоль склона холма по низине в сторону чайной фабрики. Параллельным курсом, по вершине холма, скрытно следовала группа наших бойцов, отыскивая место, подходящее для удара. Склон был засажен чайными кустами, но спуститься меж них к боевому гребню было невозможно, потому что пехота противника держала весь холм под непрерывным обстрелом.

Грузинам оставалось пройти всего метров 180–200, практически не встречая сопротивления, чтобы достичь расположенного на возвышенности здания фабрики. Оттуда в тыл совхоза и в центр села Моква (Мыку) вела грунтовая дорога. Тут внезапно, как по заказу, со стороны моря буквально стеной налетел густой туман и бой затих. В абсолютной тишине было отчётливо слышно, как звякают гильзы от танковых снарядов, которые экипаж выбрасывал из башни. Несколько бойцов попытались, воспользовавшись туманом, подкрасться и атаковать танк. Ориентируясь на звук, они сумели подойти к нему почти вплотную, метров на 8–10, но в густом тумане никак не удавалось его разглядеть. Зато один из эки-

пажа, стоявший на башне, сверху заметил их и открыл огонь. Вспыхнул ещё один хаотичный короткий бой, какими был наполнен тот день, но из него наши опять чудом вышли живыми.

Минут через 20 туман рассеялся, и грузины опять беспрепятственно пошли вперёд. В этот критический момент подоспела группа ткуарчальских бойцов. С ходу, быстро разобравшись в ситуации, они на виду у противника заняли позиции в здании чайной фабрики и на прилегающей территории. В этой группе оказались гранатомётчики: один из них, забравшись по ящикам под самый потолок ангары, сквозь щель между крышей и стеной выстрелил по танку, но промахнулся. Второго выстрела он не успел сделать, так как был обнаружен и ранен двумя залпами из танковой пушки.

Другой гранатомётчик, видимо, не имея времени на выбор удобной позиции, с чрезвычайным хладнокровием вышел на открытую площадку перед южным фасадом фабрики и открыл огонь. Один снаряд взорвался о землю с недолётом, другой ушёл выше и самоликвидировался. После каждого неудачного выстрела гранатомётчик, не сходя с места, недоумённо рассматривал оптический прицел граника, чего-то возился, заряжал и опять стрелял. Все это он проделывал под градом пуль и снарядов: за какие-то 2 минуты танк стрелял раз 15, бил дюбелями – или как их там назвать правильно? Но боец оставался невредим, цел был и прикрывавший его автоматчик, Вахо Кокоскир. Он сидел чуть правее на корточках, тоже совершенно открыто, и одиночными выстрелами вёл огонь по пехоте.

Еще один помощник гранатомётчика, в зелёном ОЗК² до земли, неторопливо выносил из-за угла фабрики очередной снаряд, подавал ему и так же спокойно отходил за стену. Фасад фабрики рушился от снарядов, автоматчик и гранатомётчик были покрыты цементной пылью, как мельники муко́й, но продолжали сражаться, пока Вахо не упал сильно контуженный. Его оттащили в укрытие и огонь на время затих.

Потом уже, когда всё закончилось, я нашёл того гранатомётчика и спросил: что он там под огнём рассматривал и почему мазал? Он объяснил, что пристрелочный крестик принял за прицелочный, потому что оптику видел впервые, изучить не успел, пришлось срочно в бой. А помощником в ОЗК был Виталик Гуарамиа, мой старый знакомый по гвардии.

К этому моменту танк успел поджечь трёхэтажное секционное здание и ещё одно небольшое строение. Но, пока противник был отвлечён тремя отважными безумцами, наша группа, которая вела параллельное преследование, отыскала наконец подходящую позицию для огневого поражения врага. Гранатомётчик Сергей Барганджия (Пузик) влепил танку под башню и заклинил её. Было ещё два удачных попадания, одно из них на счету Батала Акшба, прибывшего с Атарской группой на помощь. Пехоту атаковали фланговым огнём.

² Общевойсковой защитный комплект – ярко-зелёный прорезиненный костюм с плащом, средство индивидуальной защиты, предназначенное для защиты человека от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли.

Этот удар отрезвил врага. Кикелы, быстро перестроившись, перешли к обороне, и, подтянув технику, начали эвакуацию подбитого танка. Пехота медленно и организованно потянулась в сторону села Цагера, и тут мы увидели, как со стороны села Моква, скрываясь под высаженными вдоль дороги деревьями, им наперерез бегут какие-то вооружённые люди, человек 10–15. Сперва подумали, что наши. Но, когда эта группа открыла огонь трассирующими пулями, мы стали стрелять по ней, решив, что это кикелы: в первые месяцы войны трассерами только они и пользовались. Группа, не обращая на нас внимания (мы были метров за 400–500), продолжала вести огонь по врагу, который начал стремительно отступать. Тут мы наконец сообразили, что это наши из Моквского батальона (позывной «Анкара») и перестали стрелять. В общем, мы всё же оказались им помехой, иначе они смогли бы ударить посущественней.

Боевые действия, начатые ранним утром, закончились перед самыми сумерками. На склоне дня, не сумев сломить сопротивление плохо вооружённых партизан и выполнить поставленную задачу, противник отступил, унося убитых и раненых. Уволокли и танк, что было особенно обидно. Огонь по отступавшим велся слабый, потому что боеприпасы были на исходе, а существенных трофеев, чтобы подзарядиться, не оказалось. Да и, честно говоря, все были рады, что сумели отбиться и кикелы уходят. Эти попались какие-то упёртые, организованные: напали дружно, целый день с небольшими перерывами воевали и так же дружно ушли и постоянно кричали «Халхо!» Будь у нас побольше сил, то, конечно, им бы дороже обошлось это последнее наступление вглубь нашей территории к фабрике: мы могли бы

окружить и перебить всю группу. А так, всего лишь слегка царапнули.

Среди наших был один погибший, Игорь Кортава, и несколько раненых. Один боец получил ранение в поппенгаген, очень стеснялся и был весьма зол за это на грузин, долго стрелял им вслед из своего РПК-74. Противник по факту потерял шестерых убитыми, столько же стволов, частично побитых при взрыве. При прочёске местности нашли несколько автоматных рожков, немного патронов, следы волочения тел, бинты и крови предостаточно: думаю, там были ещё похоронки.

Теперь о том, как я сам в это дело попал. Я был в Ткуарчале, в качестве просителя (рацию хотел). Рано утром, примерно в 7 часов, за мной прислали: тревога, бегом к Кишмария! Кажется, в тот период он был временно исполняющим обязанности командующего Фронтом Аслана Зантария, который после ранения находился на лечении в Гудауте. Быстро дошёл, доложился. Мираб сообщил, что совхоз «Моквский» атакуют и надо помочь. Сказал, знает, что я один, даст машину ЛУАЗ с водителем, Вадиком Тужба, чтоб поехал по городу и сам набрал добровольцев – людей нет, все при деле. Так и пришлось поступить, нашёл шестерых. По дороге, в районе села Тхина, ещё двоих. Они как разшли на свои позиции, на смену, но согласились повременить с этим и идти на помощь. Было радостно видеть, с какой готовностью абсолютно незнакомые люди доверяли мне свою жизнь. К сожалению, я позабыл их фамилии, но отметил в письменном докладе Кишмария, когда-нибудь найдутся бумаги...

Я прибыл к 10–10:30 часам, когда бой распался на отдельные схватки и все перемешались. Мы, 8 человек, вошли в бой со стороны села Моква, через открытую местность, и оказались где-то в тылу грузин. У одного бойца при первой длинной перебежке через поле пошла кровь изо рта, он лёг и махнул нам, что больше не может бежать. Мы двинулись вперёд, но во время этих манёвров из-за сложной местности и обстрела слева потеряли друг друга.

Я оказался на какой-то просёлочной дороге, идущей по гребню холма, обсаженной большими деревьями. По склонам: слева чай, справа мандарины за забором. Звука выстрела не услышал, но вот свист пули, дымок из мандаринника и медленно закрывающуюся калитку разом увидел. Я был вооружён пулемётом РПК-74, дал туда короткую очередь (на длинную времени нет – убьют) и переместился. В ответ опять плотно и точно выстрели. В общем, кошки-мышки длились где-то пару минут на дистанции метров 30–40. И я, оттого что попасть не могу и противник такой упрямый, не отступает, заорал благим матом на абхазском. И мне тут же упёртый стрелок по-абхазски матом и ответил! Я высунулся, показал себя, в ответ показал себя невысокий парень в фуражке и курсантской портупее. Я сказал: «Потом встретимся!» Он кивнул и говорит: «Усымшьуази уара!»³ Вот так с Рудиком Тванба познакомился.

Помню ещё эпизод, когда, пытаясь высмотреть танк, подобрался к трёхэтажному дому с целью подняться повыше и оглядеться. Незаметно, видимо, подбежать не удалось, подъезд был со стороны противника, я на авось заскочил

³ Я же мог тебя убить! (абх.).

в дом, а там толпа испуганных кур с петухом стоят молча. Начал подниматься, толкая все двери, одна на втором этаже оказалась незапертой. Вошёл: простая обстановка, бумажные обои, столик с книжками, конспектами и на тумбочке включённая электроплитка, а на ней фасоль варится. Видно, что девушка жила. Тогда ещё свет не отрубали нам кикелы, а вот как раз после этого боя весь Очамчырский район и Ткуарчал обесточили.

Автоматически, чтоб не случился пожар, выдернул вилку из розетки, заполз на балкон, который был усеян лущёной кукурузой для просушки, и стал в бинокль сквозь перила осматривать окрестности. В какой-то момент заметил яркий блик от оптики и, не раздумывая, рванул из квартиры, на лестницу – а навстречу толпа кур во главе с петухом поднимается и прямо мне под ноги. Я упал в пролёт, и в тот же миг танковый снаряд влетел в квартиру. Выбегая, увидел, что двор покрывается пылью, понял, что от пуль, и резко побежал вправо, по открытой местности, с холма вниз. Второй снаряд, ударив спереди и чуть ниже, ушёл рикошетом в небо и след такой был, будто воздух в спираль скрутили. Добежал до своих, там был Витя Адлейба, снайпер, который обругал меня матом, потому что прикрывал меня – дурака, и не мог из-за этого помочь брату, тоже снайперу, которого перед этим неподалеку ранили. А дом сгорел.

Помню ещё, как в перестрелке, перебегая, наткнулся на огромное конфетное дерево⁴ в чайных кустах. Я был очень

⁴ Конфетное дерево или Говения сладкая (*Hovenia dulcis*).

голоден, поэтому сразу себя убедил, что тут прекрасная позиция, и, улёгшись поудобней, начал есть «конфеты». Тут набежал туман, всё затихло и отсырело. Услышав непонятные звякающие звуки, я пошёл на них меж чаёв, добрался до края обрыва, выпрямился и тут слева, совсем рядом: «Агер, а! Щени деда п...и ше...ци!» Это типа: «Вот он, вот! Я его маму!»

Краем глаза увидел человека, стоящего на башне танка с гильзой в руках. Не поворачиваясь, начал стрелять, благо оружие удобно держал, одновременно упал на спину, но не очень удачно: ноги оказались подогнутыми, на спине вешмешок, с двух сторон плотные чайные ряды. Лежал выгнутый, как татарский лук, и никак не мог повернуться на живот, чтоб уползти. А тут ещё пули-трассеры от их пятачка начали рикошетить, падать на меня, и я вспомнил, как наши бойцы рассказывали, что от трассеров загорелась одежда у грузинского солдата и тот, хотя был легко ранен, погиб от ожогов.

Но тут в бой с криками «АИААИРА!» – «ПОБЕДА!» вступили наши, те, кто сидел чуть выше по склону справа, и я оказался на линии огня обеих сторон. Чай так шевелились от пули, будто по ним кто-то бегал, а наши так воинственно кричали, что, будь я на месте грузин, давно бы сбежал. Опасался, что танк выстрелит в их сторону, тогда он всех нас просто пламенем бы сжёг, но, видимо, что-то у них не срослось. Вообще, на Восточном Фронте я часто наблюдал: наши, независимо от того, наступают они или отступают, кричали «АИААИРА!» В общем, так они сцепились с кикелами, что у меня появилась возможность вывернуться и уползти.

Помню, как парочка наших безоружных ходила за мной следом, прячась, когда начиналась стрельба, и, когда прямо посмотрел на них, невинно развели руками: мол, сто лет живи, но если что, оружие заберём.

Потом помню, как после очередного лазания по чаям промок до нитки, решил где-нибудь укрыться и поискать своих, чтобы хоть выяснить, что происходит. Я так замёрз, что всё тело ходило ходуном, не мог дрожь унять. Спускаясь к лощине по проплешине в чаях, увидел впереди и правее военного, стоящего на коленях в конце чайного ряда, он смотрел в сторону, и с ним рядом вроде ещё одного. Начал стрелять, оружие в дрожащих руках тряслось, невозможно было целиться, и я, почувствовав, что скоро получу, побежал. Вдруг навстречу раздались крики: «Уахь шэымхысын, уа Батал дыкоуп!»⁵ и я выбежал к деревьям, под которыми сидело несколько наших. Единственное, чем мог греться, был горячий ствол, но тут подполз Лорик Когония и попросил оружие, пока я отдыхаю, а взамен на всякий случай дал свой пистолет.

Ещё помню одного нашего, чумового, который решил перебежать на новую позицию и бежал долго, не ложась, всё медленнее, под конец с трудом по склону вверх, весь в столбах пыли и грязи от пуль в его рост, которые рыли землю то спереди, то сзади, и как мы все хором орали: «Уршьеит, аеада!»⁶ На помощь в тот день пришли бойцы из сёл Атара, Меркула, Моква, Члоу, Тамыш и других. Спасибо Мирабу,

⁵ Туда не стреляйте, там Батал! (абх.).

⁶ Убьют тебя, осёл! (абх.).

мобилизовал всех, кого смог, его слушались. Среди тамышцев был Аслан Камкия, мой друг, выросли в одном дворе, он перед войной окончил режиссёрский ВГИКа. На прочёску после боя пошли вместе. Дойдя до крайних домов, что перед выездом из села, увидели возбуждённую группу наших, глядящих в какую-то яму. В яме, глубиной метра два, сидела старушка, вся мокрая от вечерней росы, дрожащая. Она с первыми звуками боя спустилась в эту яму по лестнице. Через какое-то время её обнаружили грузины, сказали, чтоб не боялась, не убьют, потому что сама сдохнет, и, вытащив лестницу, выкинули подальше. Так она и умерла бы там, если бы нас выбили с позиций, выбраться ей самой не было никакой возможности. Ребята решили разжечь очаг и хотя бы чаем бедную напоить, и тут обнаружилось, что в доме всё, что могло быть пригодно для приготовления еды, прострелено в днище. Вот иезуиты! И надо же такие извращённые мозги иметь! Пока мы этому дивились, Аслан позвал к забору: на один из колов со всего маху была насажена абхазская скрипка – апхъарца. Аслан сказал, что всегда, когда видел в фильмах про Великую Отечественную кадры, как немчура рвёт штыком русскую гармонь или ломает балалайку, подозревал режиссёра в выдумке, метафоре. А теперь он, если доживёт до Победы, обязательно снимет фильм и включит в него этот сюжет. Не дожил.

В общем, написал как смог, что помнил, считая важным осветить максимально полно боевую работу на Восточном Фронте, её особенности и сказать побольше о тех, неизвестных широкой общественности бойцах, предельно скромных, которые и принесли Победу. Один из таких,

который был в гуще этого боя – Темур Парулуга, хочу попросить его вспомнить этот бой и дополнить, а где и исправить то, что посчитает нужным. Сейчас они на фоне, так сказать, золотой части общества, смотрятся невзрачно, но напомню абхазскую поговорку: «ИАТЭАУМБО, АХЭА ИКЭНУП» – «ТОТ, КОГО ТЫ НЕДООЦЕНИВАЕШЬ, ВОЗМОЖНО, ШАШКОЙ ОПОЯСАН».

И себя, любимого, не забыл, но это так – для атмосферы.

Впервые опубликовано 17.06.2012 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Дополнение, комментарий Темура Парулуга

Рано утром того дня Джумбер Басария (Пьяница), Паз Куакуаскыр, Игорь Кортава и ещё двое бойцов возвращались из очередного рейда в тыл противника с целью добычи топлива (не на чем было вывозить раненых и доставлять

боеприпасы). С канистрами наперевес они направлялись к дому, где была сосредоточена наша основная группа, но на-поролись на засаду РДГ №1, расположенную на месте нашего секрета!

Вместо отклика на пароль враги открыли огонь, среди прочего произвели и несколько гранатомётных выстрелов по дому, где находилась основная группа! Игорь Кортава погиб на месте, Паз Куакуаскыр (погиб спустя несколько месяцев) был тяжело ранен, Джумбер Басария успел бросить гранату, что и помешало их гранатомётчику достичь цели!

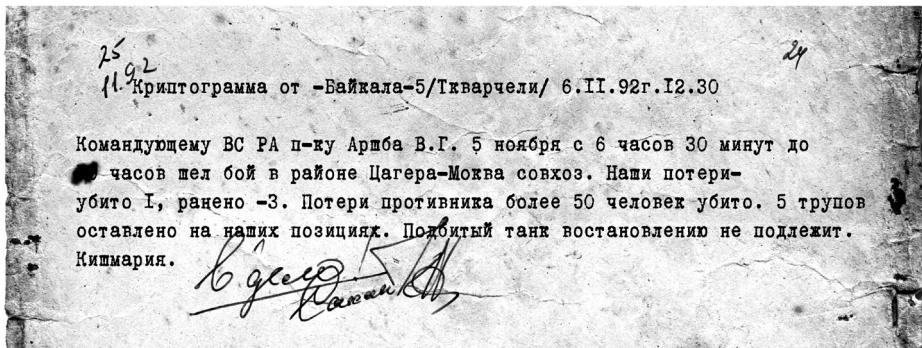
Когда выбежали и помчались в сторону, откуда шла стрельба, наткнулись на противника. Было очень темно, я и Рудик Тванба почему-то подумали, что этот человек – Маврик Басария (погиб позже у села Лашкиндар, родной брат Джумбера Басария). Но он с 3–4 метров открыл по нам автоматический огонь и мы с Рудиком еле успели увернуться, прыгнув за деревья, а Гоги Ахуба, который шёл следом, прыгнул в противоположную сторону и оказался между нами и пулемётной точкой противника!

Примерно минут 40 продолжалась перестрелка, интенсивность вражеского огня не позволяла нашим бойцам занять нужную позицию. Рамаз Ашуа и Чын Джапуа ползком смогли дотащить до нас гранатомёт с двумя зарядами. Рудик произвёл оба выстрела в сторону пулемётной точки, после чего тот замолк! В ответ мы получили несколько гранатомётных выстрелов, один из них попал в дерево, из-за которого я стрелял. Меня даже волной не задело, Рамаз Ашуа поймал осколок, а Чына Джапуа контузило! Не пом-

Батал Джапуа • Бой на чайсовхозе

нию, сколько я выпустил рожков, но автомат в конце уже «плевал»! Позже, осмотрев место, где сидел пулемётчик, мы увидели много крови – Рудик его хорошо задел! После этого наступило затишье, прибежал наш боец и сказал, что выше подорвалась РДГ №2 противника (на схеме). Мы обрадовались, думали, прогнали их, но это, как оказалось, было только начало!

Вот имена взрывников-умельцев, благодаря которым РДГ №2 противника не смогла выполнить свою задачу: Николай Полеев, Гурам Чежия, Робик Торчуа, Михаил Хайдаришин.

Авто Гарцкиа

Тот, который прикрывал

Памяти Беслана Несторовича Абаш,
павшего 3 ноября 1992 года в боях за Шрому

Шёл тяжёлый нервный бой. Противник нёс потери. Но и мы теряли людей: атака, начавшаяся так неплохо, обернулась неудачей. Пришлось, отстреливаясь, отходить на прежние позиции. В какой-то момент мы, несколько бойцов, собрались у полуразрушенной стены, послужившей нам укрытием.

Среди нас были тяжелораненые, поэтому остальные в тот момент думали прежде всего о том, каким путём придётся уносить раненых и убитых. Сложность положения была в том, что выйти на единственную дорогу означало оказаться на открытом участке, по которому противник вёл шквальный огонь.

– Двадцать первый, я – Двадцать второй, прошу выслать «технику». У меня раненые и убитые. Двадцать первый, прошу вывезти раненых и убитых. Двадцать первый... Двадцать первый...

Радист уже битый час выходил в эфир, но никто не отвечал. То ли не было слышно, то ли никто не отваживался пойти на такой риск.

Впереди, левее нас, за поворотом, кто-то отстреливался из последних сил. Автоматчик вёл огонь грамотно, не суетясь. Короткими очередями, чтобы подольше задержать противника. Вдруг из-за поворота появились четверо бойцов, которые несли пятого, тяжелораненого. Почти бегом они направились к нашей небольшой, но спасительной стене. Мы поняли: человек, бивший короткими очередями, прикрывал их отход.

Теперь настала наша очередь прикрыть их. Противник находился на возвышенности и имел стратегическое преимущество, но нашего дружного огня оказалось достаточно, чтобы они благополучно добрались до укрытия. Повезло!

Через несколько минут из-за поворота появился и тот, который прикрывал. Он шёл гордо, в полный рост, не пригибаясь и не уклоняясь от пуль, хотя сильно хромал на одну ногу, буквально волочил её за собой. Его автомат болтался за спиной. Было ясно, что стрелял до последнего... До нашей стенки оставалось ещё метров сто, мы начали стрелять, прикрывая бойца, и одновременно кричать ему, чтобы укрылся где-нибудь, прилёг хотя бы на минуту!

Противник, не обращая на нас никакого внимания, направил на парня весь свой огонь, словно это был последний абхаз на свете, которого просто необходимо стереть с лица земли! А он всё шёл и шёл, словно одержимый какой-то не-

ведомой нам страшной мыслью. Его взгляд был устремлён прямо на нас... только бы дойти. Вокруг взметались облака пыли от разрывов, а он всё шёл... Когда человек приблизился, мы увидели его плотно сжатые, искущенные в кровь губы.

– Вот и дошёл, – тихо сказал он, улыбнулся и сел, прислонившись к заветной стенке. Кто-то предложил ему обработать раны, но он ответил:

– Не стоит... Наверное, уже поздно...

Это были его последние слова. Спустя мгновение он уронил голову на грудь и умер.

Мы были потрясены. Господи, ведь он же только что дошёл до нас своими ногами! Кинулись, осмотрели тело – маленькое отверстие, прямо там, где сердце. Грудь и правая ладонь парня были в крови.

Видимо, он ещё тогда, прикрывая друзей, знал, что смертельно ранен, но шёл из последних сил, чтобы его тело не досталось врагу. Перед нами лежал настоящий герой. Он дрался, как лев, отчаянно, из последних сил, до последней капли! Мы навсегда запомнили тот день, отчаянный вызов смерти, вызов Мужчины. Потом я узнал его фамилию – Абаш.

А радиост всё вызывал и вызывал:

– Двадцать первый, я – Двадцать второй... Как меня слышишь? Приём...

Мы продолжали отступление. Бывают в жизни ситуации, когда живые завидуют мёртвым.

Из цикла «Фронтовые записки».
Впервые опубликовано 13.02.1993 г. в газете «Бзыбь».

Аслан Кобахиа

Джон Дзидзария

Виолетта Жвания, моя двоюродная сестра, была замужем за грузином. Все «прелести» войны перенесла в оккупированном Сухуме. Через несколько месяцев после Победы она приехала из Поти. Сидим, разговариваем. Вдруг она спрашивает:

– Ты знал Джона Дзидзария?

Как не знал! Мы вместе выросли, учились в школе-интернате №1. Неоднократно встречались и на фронте. Воевал Джон в легендарной группе «Бабаду», которая почти полностью полегла в мартовском наступлении¹. Слышал, что Джон не погиб, а попал в плен... После войны со мной

¹ 15–16 марта 1993 года Вооружённые Силы Республики Абхазия предприняли неудачную попытку освобождения Сухума.

работал один армянин, рассказывал, что во время штурма Джон прорвался в город, ночью пришёл к своим родственникам-грузинам. Утром они его и сдали.

Виолетта говорит:

– Джона, пленного, привезли на похороны грузинского гвардейца в Верхний Келасур, чтобы там публично казнить. Его подвели к гробу, приказали, чтобы встал на колени и покаялся. Джон молча опустился на колени и поцеловал землю. Потом вдруг резко опрокинул гроб, вскочил и закричал:

– Знайте, гады, что абхаз становится на колени только когда целует родную землю! А теперь убивайте, вашу мать!

Он кинулся к толпе плакальщиков. От его крика и бешеного взгляда женщины падали в обморок. Люди стали разбегаться. На Джона навалились, уволокли в сад...

Весь город говорил о мученической смерти абхазского воина. Его поступок, его имя передавались из уст в уста. Грузины, кто посознательней, твердили:

– Чем раньше мы уедем отсюда, тем лучше для нас.

Достойно, по-мужски принимая смерть, наши воины выбивали почву из-под ног врага. Даже смертью они показывали: абхазы до последнего будут биться за свою свободу. Народ Джона Дзидзария никогда не встанет на колени.

Впервые опубликовано на сайте <http://www.aiiaira.com>

Эмма Ходжая

Гудаута

Компания «Аквафон» решила провести показы музыкального фильма «Хара ҳаруаа реиҳабы» – «Песни нашей Победы» во всех городах и районах Абхазии.

Начинаем с Гудауты. Я на этом настояла.

Потому что очень люблю этот город. И даже более того: такие понятия, как «чувство дома», «почва под ногами», «безопасность» для меня напрямую ассоциируются с периодом моей жизни в Гудауте... До войны я бывала там только проездом, никого там не знала. Разве что помнила красивую легенду о том, откуда пошло название города – про Гуду и Уту. Но получилось так, что именно в нём я провела, как теперь понимаю, самый лучший год в моей жизни. И, как ни странно, самый счастливый!

Почти двадцать лет тому назад, холодная, голодная и до смерти напуганная, я бежала по направлению к Гудауте из оккупированного Сухума. Помню, как ступала «ватными» ногами, а зубы отстукивали барабанную дробь и слова-заклинания: «Я добегу до Гудауты, там я буду в безопасности, там наши...».

Помню, как парень по фамилии Кове, из «Замостянки», дополз до середины Верхнего Гумистинского моста и, прикрывая собой, донёс до противоположного берега Гумисты, по какой-то верёвочке поднял меня на гору. А потом как-то очень просто и обыденно сказал: «Мы всё видели. И наготове держали один, последний, снаряд. Если бы они затащили тебя в ту машину, мы долбанули бы по ней. Понимаешь?»

Что тут было понимать... Да я сама при таком развитии событий собиралась перегрызть себе зубами вену (я о таком где-то слышала) и на всякий случай нащупывала её на руке. Но тогда я ему об этом не сказала – я вообще об этом никогда не говорила, вот сейчас – впервые. Правда-правда...

Я всю дорогу обнимала этого Кове, мешая ему вести машину, и причитала: «родной», «спаситель» и прочее... Он, наверное, понимал, что это женская истерика, сидел как каменный и молча довёз меня до спасительной гавани под названием Гудаута. Он потом погиб в очередном наступлении на Сухум... Я об этом не знала. Я в долгу перед ним. Его фото висит в Гудауте, в музее.

В этом городе заботились обо мне... Помню, как женщины приходили на телебазу во время активных боевых действий и тихо справлялись, вернулась ли я «оттуда» живая? А наутро я находила на столе корзинку фруктов и жареную курицу «по-очамчырски». А у них самих сыновья были на фронте...

Помню, как на рынке одна пожилая женщина подарила мне красную кофту в розочках... Возможно, она собиралась там же выменять её на что-то. Потом я в этой кофточке выходила в эфир и зачитывала сводку примерно такого содержания: «На Западном Фронте без перемен, а на Восточном подбили два грузинских БМП».

Ещё помню, как одна женщина с улицы Кьяраз принесла мне тёплое бельё и коричневые ботинки почти на четыре размера больше моего (стоял уже ноябрь, а я в шлёпанцах). Такая радость была... Правда, потом они мне всю зиму натирали кровавые волдыри, никакие портянки не помогали... И теперь каждый раз, когда мне в магазине заворачивают дорогущую пару туфель, у меня перед глазами всё равно стоят те ботинки, что принесла гудаутская женщина с улицы Кьяраз. Вот это была обувь для жизни, для настоящего дела! А эти... для женских «понтов».

Я люблю Гудауту и потому, что там я узнала, что такое настоящее горе... Помню, как привозили с передовой погибших пацанов, бывало, на одной улице по десять-двенадцать сразу... После ночного монтажа я выходила во двор и до утра слушала приглушённые причитания гудаутских матерей в夜里... Я дала себе слово навсегда запомнить это. Я в долгу и перед ними.

Ещё помню, когда война затянулась, я бросилась выращивать огород во дворе гудаутского детского сада, где базировалось телевидение. Каждый вечер после возвращения с передовой я орудовала лопатой. Вначале на меня смотрели, как на ненормальную. Но потом гудаутские женщины с соседней улицы стали молча полоть грядки вместе со мной. Они-то понимали, что со мной происходит... Потом мы уго-

щали всех на кухне салатом из свежих огурцов и помидоров. С тех пор я так ничего не могу вырастить своими руками: ни сил, ни времени, ни желания. Теперь и я понимаю, что мной двигал извечный женский инстинкт: сохранить тыл, накормить, запастись, пока мужчины были заняты опасным мужским делом...

В Гудауте я как-то слегла от горя, из-за гибели в очередном наступлении ребят, которых я снимала накануне, коллеги испугались, что у меня «крыша поехала». И тогда, чтобы вернуть меня к прежним довоенным привязанностям, Темур Кучуберия (тогда мне никто, а сейчас – муж) где-то в городе купил томик Цветаевой. Ночи напролёт я взахлеб читала стихи. И цветаевский сюжет: «В огромном городе моём – ночь. Из дома тёмного бегу – прочь, а люди думают – жена, дочь» для меня до сих пор – гудаутский. Я могла до утра бродить по улицам этого города, где столько разных людей с оружием, мужчин, военных... и такого уважительного отношения к себе никогда не встречала, было безопасно и надёжно. Как дома.

Потом, в том же книжном, мне подарили Ахматову... Строки из её ранней гражданской лирики: «Как вал морской, Ношусь средь всех штыков, мешков и граждан». А у меня каждый день были и мешки, и штыки, и граждане... И когда я очень боялась, что пуля зацепит, воображала себя ахматовской героиней... и страх отступал! Я потихоньку вылечилась.

А когда я каждое утро уезжала на фронтовые съёмки, с утра пораньше поднимались Заира Бигвава и Света Корсая и начинали «пилить» меня: «Останься хоть сегодня на базе. Ненормальная. А если тебя «привезут», то где мы будем тебя хоронить? Ведь у тебя никого здесь нет!» Я удивлялась:

Эмма Ходжаа • Гудаута

как где хоронить? В Гудауте, конечно! Потому что любила этот город.

После войны, когда мы вернулись в Сухум, я не могла спать. Мне всё казалось, что начнётся война и опять меня бросят в Сухуме и уедут в Гудауту... И ходила как сомнамбула, и искала лишний повод побывать в Гудауте. А вообще давно, в войну, я себе загадала, что если я выживу, то останусь насовсем жить в Гудауте. Но как-то не получилось...

Бессвязно как-то написала... У меня всегда сложности со словами, мне их не хватает, они какие-то «неточные», что ли? Наверное, в «картинках» я бы лучше рассказала про мою Гудауту. Может быть, попробую снять чего-нибудь...

Но вот сейчас подумала: неправда, что у меня «не получилось остаться в Гудауте». Кажется, я так в ней и осталась...

Впервые опубликовано 12.09.2012 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Темур Надараев

Высадка Тамышского десанта

Так сложилось, что вечером, накануне 1 июля 1993 года, мы вышли в море с опозданием. Но к траверзу Тамыш прибыли ещё ночью: впереди баржа с личным составом десанта, за ней вторая баржа с установкой БМ-21 «Град» и вооружением. Первая баржа на полном ходу двинулась к берегу, следом вторая и два маленьких катера прикрытия.

Я находился на второй барже. Когда первая, с бойцами, подошла к берегу, я с ужасом увидел, что высаживаться они собираются прямо рядом с устьем реки, в заболоченном месте, где наш «Град» просто застрянет. Когда мы приблизились вплотную, баржи неожиданно столкнулись бортами. Раздался жуткий лязг металла о металл, хорошо ещё, скорость была такой малой, что не получили пробоину. Я начал просить связь с командиром.

Командир десанта Заур (Лакут) Чантович Заандия подошел к левому борту. Говорю ему: «Как же я здесь выгружусь?» Лакут отвечает: «На связь никто не вышел – ни по основным, ни по запасным частотам, нет и фонарей, которые должны отмечать место высадки на берегу. Я принял решение на свой страх и риск, и, по-моему, нам повезло – здесь нет грузин! А ты возвращайся в Гудауту или действуй сам, по обстановке!» Я был поражён его рискованным решением, но командир есть командир.

Десантники стали быстро выгружаться, а нам пришлось отойти от заболоченного берега. Мы с капитаном угрюмо взглядывались в темноту, ища место для высадки. Рядом были два бойца с Восточного Фронта: Славик Джапуа, в качестве водителя «Града» и Сергей Логуа – как заряжающий. Они перешли на нашу баржу ещё в Гудауте, так как «Град» не был укомплектован личным составом, был только наводчик Артур Аракелян. Позже я узнал, что Славик в то время был комендантом Очамчырского района, а Сергей – даже заместителем командующего Восточным Фронтом по тыловому обеспечению. Очень хорошие люди были, отважные и дерзкие, уже после войны ушли из жизни, вечная им память.

Начинало рассветать, когда я заметил свет от карманых фонарей километрах в полутора восточнее от места высадки десанта. Я закричал капитану: «Видишь свет? Быстро иди туда!» Капитан переспросил с опаской: «Откуда знаешь, что наши? Может, грузины?», но прибавил хода к берегу. Огни фонарей тем временем начали описывать круги по часовой стрелке и мы окончательно убедились, что это и есть долгожданный сигнал. Но до берега оказалось не

так близко, за 5–7 минут мы прошли только половину пути к нему, когда нас заметили грузины.

Первый снаряд, из Очамчыры, не долетел до нас метров 150. Было уже почти светло, мы разглядели на берегу группу вооружённых людей, которые махали нам руками. Правда, меня смутили красные повязки у них на головах, тогда я не знал, что именно такие носили «восточники», опять засомневался, наши ли... Но баржа уже достигла берега. Первый встречающий, улыбаясь, заговорил с явным мингрельским акцентом... Тут уж я совсем растерялся и спросил его фамилию. Боец ещё шире заулыбался и ответил: «Я Тарба, из села Река». Но честное слово, у этого Тарба была самая удачная нога в мире!

От давшего удара бортами заело крюк, не получалось откинуть «нос», чтобы начать разгрузку, пришлось оттягивать ломом. Наконец приступили к делу. Тем временем наши десантники уже растянулись в цепочку на берегу, еле видные в рассветной утренней дымке. И тут в один момент всё вдруг оживилось! По нам била грузинская артиллерия, вокруг барж вскипали столбы воды от снарядов, как в фильмах о Великой Отечественной. Десант ринулся в бой, корабли прикрытия выстроились и из НУРСов били по вражеским позициям. Вы не представляете, как это было красиво! Да, я всё понимаю, это страшно, это война – но это правда было красиво! Снимали бы тот момент, наверное, потом никто бы не поверил, что в бою абхазская армия, а не армия США или России.

К нам на подмогу бежали «восточники», Заза Зантария со своей группой. Ещё один рекинский боец, Одик Кучуберия, заскочил в баржу, завёл автомобиль с «Градом», виртуозно, не застряв в песке, вырулил и поехал дальше от бе-

рега. В этот момент обстрел резко усилился, открыла огонь батарея гаубиц Д-44 из Цагеры. Снаряды стали ложиться совсем рядом.

Под сплошным обстрелом нам удалось выгрузить только малую часть вооружения и боеприпасов: установку БМ-21 «Град» с боекомплектом, 400 литров бензина в двух бочках, 22 снаряда к «Граду» и 86 ящиков патронов калибра 7,62. Ещё оставалось много боеприпасов и оружия: АК, СКС, АГС, СПГ-9. Ребята трудились изо всех сил, а снаряды рвались всё ближе и ближе, потоки воды обрушивались на нас, как душ.

Капитан баржи без приказа начал отходить. Я в бешенстве закричал: «Стой!» Он что-то показал мне жестами, и я понял: если попадут в баржу, взрывом пол-Тамыша снесёт... Было очень обидно, но пришлось признать его правоту. Обеим баржам удалось уйти целыми – молодцы личный состав и командиры малых катеров, они здорово их прикрыли, хотя и по ним нещадно била артиллерия.

Мы отогнали «Град» от берега и спрятали во дворе сожжённого дома. В этот момент над нами низко пролетели два СУ-27, мы заорали: «Воздух!», но, как оказалось, это были русские самолёты. Не знаю, что они там делали, может, прикрывали наш воздух, по крайней мере, грузинской авиации в тот день мы не видели.

Было уже часов семь утра. Десант вступил в бой у тамышской школы, где противник оборудовал блокпост. Пулемётные очереди и взрывы снарядов от гранатомётов слились в сплошной гул. Добровольцы-казаки из состава

десанта отчаянно бросались в атаку, чтобы достичь здания школы. Вдруг вижу: среди них знакомая фигура как-то неуклюже позицию выбирает. Пригляделся: это же Цимушка – Гурам Сабекия, мой одноклассник! Он еле выжил после тяжёлого ранения в Меркулах, месяц был в коме, всю левую сторону парализовало, глаза нет и полголовы пластмассой залатано. И вот он здесь, автомат одной рукой держит, а другой даже не может себе помочь, магазин в землю втыкает, чтобы упор был, и так ведёт огонь! Я ему кричу: «Цимушка, кто ж тебя взял сюда, я его маму...». Он сразу узнал меня по голосу, на мгновение перестал стрелять, повернулся и говорит: «Темур, тех, кого сюда не взяли, и тех, кто сбежал – вот их маму!.. А меня рано списывать, я и одной рукой могу АК держать, лучше помоги рожки зарядить – потом будешь учить уму-разуму!»

Я нашёл Лакута. Он сказал: «У нас 12 убитых и 36 раненых, но противника из школы выбить не можем, ждём танк «восточников».

В это время послышался грохот гусениц и рёв мотора, это продвигался к нам на выручку знаменитый «Тигр» с героическим экипажем. Его появление решило исход схватки в нашу пользу. Грузины, кто ещё оставался в живых, скрытно покидали здание школы.

Мы начали выносить к дороге со школьного двора тела наших убитых, которые не добежали всего 10–20 метров до парадной двери. Странно было сознавать, что по этому же двору, по той же полоске между соснами раньше, смеясь, бежали дети, опаздывающие на урок...

Темур Надарая • Высадка Тамышского десанта

Потом мы удачно вывели «Град» на трассу и двинулись в сторону села Кутол. Такое количество погибших противников до того я видел только в Гагре. А «восточники» – в лохмотьях, злые как черти – от радости, что прорыв удался, падали на эту трассу и целовали асфальт. От этой картины у меня слёзы сами собой пошли, хорошо, хоть никто не видел.

Впервые опубликовано 13.10.2012 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Анна Бройдо

Женские лица абхазской войны

В последний день командировки я забежала в гудаутский Штаб Конфедерации народов Кавказа.

– Что значит – домой едешь! – возмутился кабардинец Славик Альтудов. – Вот он, твой дом – здесь. Мы – твои братья. А вот сидят твои сёстры.

«Сёстры» – работающие в Штабе абхазские девушки – радостно кивают головами. И, действительно, зря я кавычки поставила.

Вика

От Нижней Эшеры до линии Гумистинского Фронта всего два-три километра по петляющей дороге. А направим – так ещё ближе.

Здесь, в бывшем военном санатории, где сейчас расположены эвакосортировочный пункт для раненых, из-за ежедневных обстрелов не осталось ни одного целого стекла. Пришлось кое-как закрыть окна зелёными армейскими носилками, которые почти не спасают от стылого апрельского ветра.

За старшего в санатории хрупкая застенчивая девушка, начальник штаба медико-санитарного батальона Виктория Хашиг. С первых дней на войне, один из организаторов медслужбы Фронта:

– Знаешь, я ведь по специальности стоматолог, в Москве институт закончила. И, как все студенты, проклинала военную кафедру, тогда казалось, ну нам-то зачем «организация военно-полевых госпиталей»! Кто ж тогда знал, что так пригодится. Я теперь даже хочу нашим преподавателям с «военки» благодарность отправить.

Медико-санитарный батальон – это 65 женщин-санитарок, шоферы «Скорых», также владеющие приёмами оказания первой помощи, и персонал эвакосортировочных пунктов. Все добровольцы. Из полевых сестёр только четыре – профессиональные медработники, остальным пришлось обучаться по ходу дела. Возраст – от восемнадцати и старше.

Для парней в войне всё-таки есть некая доля романтики, а вот к девушкам из медсанбата она оборачивается самой тяжёлой и страшной стороной. Вика считает, что ужаснее всего, когда война становится привычкой, героизм – повседневностью:

– Но без этой привычки было бы совсем невозможно работать, ведь каждый день под обстрелом. Нам достается

всё, мы разве что не стреляем, Красный Крест и оружие – несовместимы. Конечно, если будут убивать меня или раненого, придется защищаться, однако направленно стрелять я не пойду, и никто из наших девчонок не пойдёт. Я считаю, что лучше спасти одного нашего раненого, чем убить двадцать гру... двадцать солдат противника.

Кстати, запинка у Вики очень характерная. Её коллега, анестезиолог Новоафонского госпиталя Андрей Тужба, говорит: «наши оппоненты». Вообще здесь, в непосредственной близости от фронта, люди красивы и сдержаны: они заняты делом. Пылкие речи о патриотизме и ненависти – это всё в тылу.

– Вика, война никогда не улучшала нравы, а тут девушки одни среди мужчин. Не обижают их?

– Что ты! Наоборот, носят на руках, пылинку с них готовы сдуть, потому что в самых тяжёлых ситуациях девчонки рядом – и ребята уже не так боятся. Наши девочки все героические, даже не знаю, о ком тебе рассказать. Вот Инга Габния – худенькая, маленькая, лет двадцать ей, не больше. Во время боевых действий в Верхней Эшере перетащила по сплошь обстреливаемому мосту через Гумисту на наш берег семерых раненых. Или Виолетта Томасян – она вместе с шофером под гранатомётным огнем раненых из «Скорой» выносила, когда их на мосту подбили.

– Один боец рассказывал мне про санинструктора их батальона: «Она и раненого, и пулемёт его тащит, одной рукой перевязывает, другой отстреливается! Не женщина, а чистый Рэмбо, слушай!»

– Это, наверное, про Иру Завьялову! Она красавица: высокая, статная, коса золотая до пояса! Пошла в санинструктор-

торы с самого начала войны, ещё когда шли бои в Сухуме, а сейчас в Очамчырском районе, с партизанами.

– А правда, что девушки идут на войну, чтобы отомстить за близких?

– Не знаю, мы как-то об этом особо не говорим... У каждого своё, наверное, и это тоже есть. Но многие встали в строй буквально с первого дня войны, так что, думаю, не всё так просто. А сейчас, конечно, уже каждая потеряла и родных, и друзей... И наших девочек мы потеряли: Жанна Гвинджия в сбитом вертолёте сгорела. Ира Курская и Лика Топуридзе раненые в плен попали, замучили их. Гунда Квициния, Лолита Гвинджия, Саида Делба, Ира Гоцеридзе... Много, конечно... А обстрел-то какой! Тут неизвестно, кто уцелеет. Но сейчас об этом пока нельзя говорить: мы делаем одно дело и, пока оно не закончено, все мёртвые – в числе живых. А потом уже будем считать наших погибших.

Ляля

– Слушай, ты к нам на позиции хочешь – и не боишься?

Смуглая, невысокая, глаза шалые. Камуфляж, автомат на плече.

– Конечно, боюсь – только дураки ничего не боятся.

– Значит, я – дура. После второго выстрела зверею и уже совсем не страшно. Но ничего, не бойся – убережём!

Потом, уже на позициях в Верхней Эшере, её боевые товарищи подтвердили: «Она и правда ничего не боится! Вообще Ляля удивительный человек: в ней сочетается всё. Вот она курит – и не как женщина, а по-мужски, выпить

может, на язык ей вообще лучше не попадаться! Но когда спускаемся в тыл, она оденется, подкрасится – смотришь и удивляешься: «Неужели эта красавица – наша Лялька?!»

Ляля Паразия – санинструктор кабардинского отряда под командованием Ибрагима Яганова. Впрочем, жёсткого разделения по «национальности» в абхазской армии нет: в этом отряде воюет и осетин, и несколько абхазов.

– Ляля, ты профессиональная медсестра?

– Нет, но когда папа болел, никого, кроме меня, не подпускал, так что и уколы, и капельницы – это я давно умею. Вообще-то я в Москве живу, двое детей там, старший сейчас в институт поступать будет. Но, как только война началась, то сразу приехала – я же абхазка! Сама себе дала слово: пока не кончится – отсюда ни шагу.

Недавно Ляля отмечала день рождения. Ребята подарили магазин патронов.

И ещё один рассказ о Ляльке:

– Однажды под обстрелом мы с ней побежали за нашим пацаном раненым. Она несётся прямо во весь рост, даже не пригнётся. Вокруг же так и свистит – страшно, сил нет! Но делать нечего – приходится тоже во весь рост бежать, а то стыдно. И вот я бегу, не отстаю и только шёпотом Богу молюсь: «Господи, ну когда же эта блядь пригнётся!»

Аида

Аида Капш работает в пресс-центре Минобороны:

– Из Сухума мне удалось выбраться лишь 1 июля, да и то контрабандой. Потому что те, кто хочет уехать, заносятся

властями в чёрные списки, а у меня брат семнадцатилетний, мы его всё это время дома прятали: они ходили по домам и хватали людей, чтобы потом обменять их на своих пленных. У одной женщины мать забрали больную, восьмидесятилетнюю. Она плакала, просила оставить мать: «Лучше меня возьмите!» Бесполезно. К счастью, друзья наши, армяне, взяли нас с братом с собой, сказали, что мы – члены их семьи. Так и выбрались, а мама там осталась.

Перед самой войной я устроилась в Министерство образования секретаршей. И в сентябре вышла на работу – семью кормить как-то было надо. Я закончила Тбилисский политех, поэтому грузинский хорошо знаю. Там, в Министерстве, вообще многонациональный коллектив был – русские, армяне, гречанки. А потом с каждым днём их всё меньше становилось, всё больше приходило новых сотрудников-грузин. И я уже чувствовала, что надо мной тучи сгущаются, но совсем невозможно стало после мартовского наступления наших. Я несколько дней на работу не выходила, затем отважилась – все в одной комнате сидят, что-то бурно обсуждают. Я вошла, они сразу замолчали, уставились недобро: «А мы уже собрались поминки по тебе устраивать».

Если бы ты смогла пройти по городу, поговорить с людьми, почувствовать, как и чем они живут! Голодуха, ни электричества, ни воды, ни газа. Спасал только «кофе», мы на него и пшено, и горох, и геркулес пережарили. Вечером за чашечкой с соседями соберёмся – стариками в основном – и они говорят: «Бог с ним, с городом, новый построим, лишь бы наши дети поскорее пришли – живые!» А многие так отупели от этого кошмара, что уже ничего не хотят,

только бы всё кончилось, а как – им уже и неважно. И ещё выручала «Просто Мария». Правда-правда, вроде бы такой сериал глупый, но все так истосковались по нормальной, пусть хоть в Бразилии, жизни, что, если вдруг свет дают и телевизор работает, люди даже на обстрел внимания не обращают, в укрытие не бегут: сидят и смотрят, не отрываясь...

И знаешь, я здесь, в Гудауте, так обнаглела! В Сухуме после часу дня нос из дома высунуть боялась. А тут – в шесть часов вечера спокойно иду по улице. И, самое удивительное, ловлю себя на мысли, что иду – и просто так улыбаюсь!

Валентина

– Вот, знакомьтесь, корреспондент из Москвы, покажите ей своё хозяйство. Но, чур, кровь не брать – а то знаю я вас! – с шутливой строгостью предупреждает начальник медслужбы Гумистинского Фронта Лев Аргун.

Женщины в белых халатах весело смеются. Особенно старшая: маленькая, кругленькая, задорная украинка. Когда тётя Валя сказала, что ей целых шестьдесят четыре – я ушам своим не поверила.

В Новом Афоне терапевт Валентина Николаевна Ревина поселилась в 1979 году – климат для больного сына полезный: «Приехала, посмотрела вокруг и почувствовала: моя земля, мои люди. Отныне нам друг без друга никуда».

– А что такое грузинский национализм, я ещё несколько лет назад поняла, когда съездила в Тбилиси на курсы повышения квалификации. Курсы – всесоюзные, были врачи

и из Белоруссии, и из Средней Азии, и из России, а документацию нам показывают только на грузинском языке! И когда мы возмутились, они так уж были недовольны. Лекцию по сексологии нам читал такой пожилой, матёрый красавец. И вот он начал сокрушаться: мол, со времен царицы Тамары трудно найти чистокровных грузин, я очень боюсь, что мой сын не найдёт себе чистокровную жену... Я не стерпела и выступила: мол, я женщина старая, в сексологии, может быть, не очень, а вот в генетике кое-что понимаю. Есть у меня собачка с длиннющей родословной. Решили мы её с таким же породистым кобельком свести, нашли жениха аж в Новороссийске. Приехали мы с ней, а из собачьего клуба интересуются: она у вас девочка? Нет, отвечаю, согрешила раз с чёрным армянским кобелём – замечательные щеночки получились! Мне в ответ: ну и забирайте её обратно к нему, она всю свою родословную из-за этого потеряла. Так вот, вы все так русских женщин любите, что о грузинской чистокровности и говорить смешно! А ваша царица Тамара и вовсе вроде нашей Катерины была – клейма ставить негде!» Он весь покраснел, от злобы затрясся – вылетел, дверью хлопнул! И как они меня там не прибили – а ведь грозились!

Когда началась война, тётя Валя стала начальницей службы переливания крови прифронтового госпиталя. Теперь новоафонцы, рискнувшие остаться жить в городе, где ежедневно идёт обстрел, у неё «под колпаком»: в большую амбарную книгу занесены все жители – с адресами и группами крови.

– Если для кого-нибудь из раненых нужна кровь, мы выезжаем прямо к донорам на дом. Система отлажена, проблемы возникают только когда требуется редкая группа.

Вот Женя Бондаренко – единственная в городе с третьей-отрицательным – молодец, каждый раз по 500 миллилитров сдаёт, не меньше! Так и зовём себя: «вампирши» да «кровопийцы». Коллектив у нас весь женский, дружный. Вчера был праздник, день рождения у Маши, мы дома, кто что мог, вкусного наготовили. И стихи ей на открытку сочинили, как в студенческие годы:

Ты – чудесный человек! Не забыть тебя вовек!
Прикоснутся твои руки – и солдаты вновь в строю.
Вот с победою вернутся и на радостях напьются,
Нарожают нам ребят, босоногих абхазят!
Вспомним мы, как их встречали,
Как мы кровушку их брали –
Не забыть нам год войны!

Конечно, такого не забыть... Вчера ночью у нас в госпитале парень умер. Его мать – молодая женщина, сорок с небольшим, пятеро сыновей у неё было, старшему всего двадцать три. Так эта война уже четвёртого отняла, остался последний, десятилетний. И она в уме повредилась: сидит – и то закричит, то засмеётся страшно...

На всякий случай и я решила проверить свою группу крови. Оказалось, вторая, резус-фактор отрицательный.

– Ах, какая кровь редкая, королевская, – мечтательно качает головой тётя Валя. – Жаль, что ты в Гудауте находишься. Но, знаешь, если не против, оставь свой тамошний адрес: вдруг кому-то из наших раненых понадобится...

Сабина

14 августа 1992 года Сабинке Бутба исполнилось три. Мама испекла именинный торт, папа пошёл на рынок за фруктами, а, вернувшись, сказал, что началась война. Пришлось срочно уезжать, но Сабина до сих пор, когда не в настроении, хнычет: «Съели они мой толтик». Все дети любят сладкое, а для отца просто невыносимо слышать, когда вот такая кроха заползает к нему на колени и шепчет: «Папа, когда война кончится, ты мне купишь печенья?»

Первое время, когда семья эвакуировалась в Гудауту, не было газа и мама Аида «пилила» папу Леварсу: принеси хотя бы баллон! Леварса рассказывает:

– Ночью, под Новый год, скомандовали – на Сухум! Тогда у меня автомата не было, я забежал домой, взять хотя бы охотничий нож. Аида спросонья: «Ты куда?» Я, с подъёмом: «В наступление – на Сухум!» Она в ответ: «А газ ты мне добыл?» Рассказал ребятам, посмеялись, а через неделю парень из соседнего отряда спрашивает: «Знаешь анекдот? Абхаз в наступление на Сухум собрался, а жена ему: «Сухум-чухум, ты мне газ достань, а потом иди куда хочешь!»

Аида немножко обижается:

– Ну что ты меня позоришь! Во-первых, я со сна была, а во-вторых, мне же надо было обед детям готовить!

Когда в мае грузинский самолет бомбил Гудауту, Сабинин шестилетний братишка Лаша обнимал Леварсу за шею и кричал: «Папа, я жить хочу!» А Сабинка совсем не боялась – потому что ещё маленькая.

Ингрид

Ей всего восемнадцать: высокая, красивая, ещё подростки угловатая и грациозная, как жеребёнок. Приехала на войну из Эстонии – добровольцем:

– Я в Тартусском университете на первом курсе училась. И с Каспаром мы раньше знакомы не были, только слышала от друзей, что есть такой замечательный парень, с осени в Абхазии воюет. На Новый год он приехал в отпуск, пятого января ему исполнялось двадцать три года. Девчонки потащили меня на день рождения. И знаешь, это была любовь с первого взгляда, мы весь вечер смотрели только друг на друга. Седьмого в первый раз поцеловались. А шестнадцатого уже были здесь, в Абхазии.

– Как же Каспар тебя-то с собой взял?

– Да не хотел, но я сказала, что всё равно приеду, так лучше уж сразу вместе. Он ПТУРСист, я стала медсестрой. В марте решили расписаться, назначили свадьбу на двадцатое, а пятнадцатого началось наступление... Но я всё равно ни о чём не жалею, правильно сделала, что поехала. Пусть всего два месяца, но мы их прожили вместе!

Те, кто вернулся из боя, рассказали: Каспар погиб у них на глазах. Пытаясь одолеть проволочную изгородь, он был прошит автоматной очередью. Тело так и повисло на проволоке, забрать его не удалось.

После провала мартовского наступления грузинская сторона отказалась выдать тела погибших абхазских солдат. В Гудауте провели собрание родственников. Когда кто-то из них, обезумев от горя, стал панически призывать к капитуляции перед противником, Ингрид первая демонстративно покинула зал.

Она не вернулась домой – стала санинструктором черкесской группы под командованием Мухамеда Килба. В этом, июльском, наступлении уже с ними, участвует в боевых операциях.

На досуге Ингрид научила товарищем нескольким эстонским словам и они стали приветствовать её на родном языке: «Тере, Лапс!» – «Здравствуй, Малыш!». Однажды это услышали ребята-абхазы и безмерно возмутились: «Как ты посмел эту девочку так назвать, слушай!»

Слово за слово, дело чуть не дошло до вооружённого конфликта... К счастью, недоразумение – под общий смех – быстро разъяснилось. Дело в том, что по-абхазски «лапс» значит – «сука». Но черкесы всё-таки здорово расстроились: как можно было даже подумать, что они так обидят свою сестрёнку!

Тося

Миниатюрная черноглазая Тося – старшая сестра инфекционного отделения в Центральном госпитале Гудауты. Кроме обычных больных, под её опекой оказались и раненые грузинские пленные, которых от греха подальше поместили к ней, в домик на отшибе.

– Иногда насмотришься, как целый день ребят изуродованных с фронта привозят, такая ненависть комом к горлу подступает – жалеешь, что в белом халате. Но я клятву давала, приходится, как положено, помочь оказывать. Вот лежит здесь пленный тбилисец, сорок три года, внучка у него... Сидел бы дома и воспитывал её, так нет, приехал

сюда порядок наводить! Да если бы мой муж или сын собрались в Тбилиси людей убивать, за порог бы не выпустила, своими руками бы убила! У нас по телевидению письма читали, которые нашли у их погибших: «Жена, тебе такой-то должен меха привезти, но если не отдаст, молчи, я всё равно тебе тут бриллиантов набрал, ты ведь любишь». Мой муж в освобождении Гагры участвовал. Когда он уходил, я пошутила (глупо, конечно, нельзя так было): ты бы, мол, мне чего-нибудь привёз. Так он шутки не понял, покраснел весь: «Как ты могла такое сказать! Как язык повернулся! Не дай Бог, соседи бы услышали, как потом в глаза смотреть?!

А вообще, девочки, уже никаких сил от этой войны нет. Только бы она кончилась, я бы всю жизнь за бесплатно круглые сутки работала, только бы она наконец кончилась...

Катя

Ночь. Мы сидим на лавочке в беседке санатория «Черноморец».

Мне не спится, а Катя ждёт, когда с позиций вернётся Он. Темнота такая, что мне не то, что её лица – собственной руки не видно. Только огонёк сигареты и сбивчивый, негромкий голос:

– Ты только не подумай, что я за этим приехала: у меня муж в Москве и я его люблю, на самом деле люблю! Попала сюда случайно, с гуманитарной миссией, и вот застряла... Потому что у меня с этим парнем – не блядство. Это – Разговор с Богом.

Если бы не война, мы никогда бы не то, что вместе – в одной компании бы не оказались. Он на шесть лет моложе, холостой, весёлый, сам говорит, что в мирное время не реже трёх раз в неделю в ресторан ходил. И приехала бы я – старая баба с жалкой своей сотней тысяч. Да он и взгляд бы не задержал, а нашел бы девицу с двухметровыми ногами и в платье от Диора. И я бы по-другому его оценила: гладкий, самоуверенный – типичный курортный контингент. А теперь война нас всех очистила и всех выровняла.

Вот он вечером приезжает, и я его хотя бы хлебом с маслом могу накормить, а иногда – даже коньяка купить бутылку. Он каждый день под обстрелом, у машины вся кабина пулями и осколками продырявлена, а назавтра ему опять туда и каждая ночь может стать последней. И я в такую ночь – как Последняя Женщина на Земле. Мы говорим друг другу такие слова, которые никогда и никому, наверное, не сказали бы. А потом он спрашивает: «Мы после войны встретимся?» Я отвечаю: «Конечно, обязательно встретимся!» Радостно переспросит: «Правда? Ты правда этого хочешь?» – «Ну конечно!»

На самом деле мы никогда больше не увидимся. Никогда в жизни сюда даже отдохнуть не приеду. Только тогда я это навсегда сохраню, и никто это у меня не отнимет. Потому что знаю: он вскользь посмотрит – и не узнает. А узнает – так ещё хуже.

Роза

Отзыв Мориса Негрэ из международной организации «Врачи без границ» категоричен: «Самая лучшая кухня в Абхазии – в новоафонском госпитале!» Французы, как известно, в этом деле толк знают, и теперь слава повара Розы Папазян станет международной. Впрочем, она её вполне заслужила: готовит, как дома, с травками, пряностями – по традициям армянской кухни.

Когда госпиталь, расположенный в знаменитом монастыре, обстреливали особенно сильно, случалось, что обед задерживался: очень повар боится «Града». Но это и правда пострашнее грозы, и, признаётся Роза, если бы не совесть, может, и эвакуировалась бы.

Зелень, фрукты, овощи Роза и ее напарница – двоюродная сестра Ира, как и все новоафонки, приносят на госпитальную кухню с собственного огорода. А для почётных гостей у Розы всегда найдется «сок из монастырских подвалов» – знаменитое «чёрное» домашнее вино. При этом она доверительно сообщает, что припасла немного и другого, просто замечательного, вина: «Но его – берегу до Победы...».

Наталья

На дверях кабинета гудаутского госпиталя, где живут офтальмологи Лепихины, самодельный плакатик: «Здесь живут врачи» – и большой нарисованный глаз. Наташа чистит картошку для супчика:

– Хуже всего то, что нет микроскопа и другой необходимой аппаратуры для микрохирургии. По сути дела, работаем топором, а ведь это всё-таки глаза... Я двадцать лет оперирую, с такими повреждениями до сих пор сталкиваться не приходилось, но ничего, делаем, что можем. Ведь в сочинских больницах одно содержание раненого в пять тысяч в день обходится! Так представляешь, сколько мы с Володей денег Абхазии сэкономили?

Саратовскую больницу, где работают супруги, на два месяца закрыли на ремонт, а тут приехал врач-абхаз, знакомый их главного: очень нужна помощь хирургов-окулистов. Володя тут же согласился.

– Я, как узнала, сразу: «Тоже хочу!» Он рассердился: нечего, мол, там бабам делать! А когда поехала в аэропорт их провожать, тихонько у Джамала спросила: «Второй хирург вам не нужен?» – «Конечно, очень нужен!» И ты знаешь, за эти три дня, пока сама не прилетела, я за мужа вся извелась, от телевизора не отходила! А теперь вместе, и мне спокойно.

Отпуск у супругов без содержания, да и он уже кончился. Денег здесь не получают, спасибо, главврач саратовский порядочный человек, рабочие дни ставит. Зато абхазы щедро платят любовью и благодарностью, зовут и в гости в село, и на рыбалку.

– Мы тоже здешний народ полюбили. Теперь вот уговаривают остаться насовсем. В этой больнице раньше работал хирург – кстати, очень неплохой, я одну бабушку смотрела, он её десять лет назад оперировал – красиво сделано! Но

он грузин, кто знает, вернётся ли. И я уже Володе говорю: «Может, правда, останемся? Ну что у нас в Саратове – двадцать человек хирургов! А здесь на самом деле нужны будем людям...»

Эсма

– Когда война началась, я пошла в медсёстры. Но через два дня брат отыскал на позициях, чуть не побил, заставил уйти. С ума сошла, говорит, хорошо ещё, если убивают, а если искалечат, что с тобой делать будем?! Теперь вот работаю в Комиссии по делам военнопленных...

За окном – стеной ливень. Такого холодного и дождливого июля Эсма Амичба за всю свою жизнь не припомнит.

– В такую погоду надо лежать дома, на диване. Только не тут, в Гудауте, а именно ДОМА, в Сухуме. Конечно, дивана своего я, наверное, уже не увижу. Да и Господь с ним, с диваном – хоть стены бы остались да потолок. Здесь просыпаюсь ночью – потолок чужой. А был бы свой потолок – легла бы хоть прямо на пол и смотрела, смотрела...

– Эсма, у тебя жених есть?

– Нет. Да пока и не дай Бог, и так вся испереживалась за братьев. Ребят наших жалко, столько ампутаций, но даже на протезах не удержишь дома – на позиции бегают. Один мой одноклассник ещё в детстве руку потерял, а с первых дней оттуда не уходит, автоматчик отличный. Правда, у него правая целая...

В комнате у телевизора на программу «Вести» начинают собираться люди. Женщины – все в чёрных траурных одеждах, мужчины – в разномастном камуфляже. После новостей передают информацию о последних тенденциях моды: «Наиболее популярные цвета в этом сезоне – чёрный и оттенки зелёного».

– Значит, – задумчиво произносит Эсма, – сейчас Абхазия – самая модная страна...

Впервые опубликовано 20.08.1993 г.
в информпакете № 8
Агентства новостей ИМА-пресс.

Аслан Кобахиа

Дылдырыпшь-ныха

Вечером 15 сентября 1993 года меня срочно вызвали в Гудауту, в штаб обороны. Тревожные вести поступают с Восточного Фронта. Наблюдается активность на стороне противника. По данным нашей разведки, грузины утром следующего дня могут нарушить договорённость о перемирии, которое длится уже полтора месяца, начать боевые действия. Надо быть готовыми ко всему.

Начальник штаба генерал Дбар распорядился: прибыть на главный командный пункт к двум часам ночи. У меня три часа времени, чтобы заскочить в Лыхны, проведать семью.

Дома оказалась одна мать. Посидели, поговорили. Мама увидела, что я немного нервничаю, хоть и стараюсь не по-

казывать. Решила, что моё состояние связано с тем, что много курю. Я не стал её разубеждать.

Мы сидели на балконе, и я всё время смотрел в сторону гор, туда, где Дыдрыпшь-ныха¹. Вдруг вижу: с вершины горы, на которой расположено святилище, начал подниматься огненный шар размером с солнце. Я не мог отвести глаз. Слышал от старших, что такое бывает, но сам никогда не видел. Мать в дом заходит, выходит, а мне стыдно спросить, вдруг и правда мерещится. Решит ещё, что у сына от войны голова съехала, добавлю ей переживаний.

Тем временем шар поднимается всё выше и выше, да ещё и постепенно увеличивается в размерах. Я молчу – хотел, чтобы мать сама его заметила. Но она ничего, кроме меня, и не видит.

Наконец я рискнул:

– Мама, посмотри, пожалуйста, туда!

Она только глянула – и сразу вскочила.

– Ой, сынок, это Дыдрыпшь-ныха² поднимается! Пусть она будет к нам благосклонна!

С этими словами мама вышла на середину двора, сняла платок с головы, преклонила колени и умоляющим голосом начала просить у Всевышнего помочи нашему народу, скрёйшего изгнания врага с нашей земли, о сохранении её детей, Владислава, всех наших воинов.

Тем временем шар, достигнув определённой высоты, начал медленно двигаться на восток. У матери слёзы на глаза навернулись. Говорит:

¹ Святилище религии абхазов, расположено в с. Ачандара.

² Здесь: «дух святилища Дыдрыпшь-ныха» (абх.).

– Аныха³ направляется в сторону Эшеры, к вам на помощь, всё у вас будет хорошо. Теперь идёт дальше, к очам-чырцам...

Ни разу за время войны я не уезжал в таком хорошем настроении из родительского дома.

Наутро – началось. А через две недели мы были на Ингуре⁴.

РЫЛПХА ҲАМАЗААИТ АПСУАА ҲНЫХАҚӘУА!⁵

Впервые опубликовано на сайте: <http://www.aiaaira.com>

³ Святыня, сверхъестественная сила (абх.).

⁴ Ингур – река протекающая вдоль государственной границы Абхазии с Грузией.

⁵ Да хранят нас наши абхазские святыни! (абх.).

Алексей Ломия

Уауа, Дима!

Июльского наступления 1993 года с нетерпением ждали и мы, и грузинские оккупанты.

Для врагов это был судьбоносный момент, когда они могли окончательно разбить наши надежды на возвращение в собственные дома. А для нас наступление было последним шансом вновь поверить в свои силы после мартовской неудачи. Командование всерьёз занялось формированием боевых подразделений, и наконец-то наша армия стала похожа на настоящую, пусть и маленькую. Мы поняли, что в лобовую город не взять, и было принято единственно правильное решение: обойти оборонительные рубежи противника сверху.

Сухумский батальон находился на Кутышыхе, периодически инсценируя попытки прорыва по центру вражеской

обороны у Гумисты. Затем нас должны были перебросить на Шромское направление. Оповестили, что выступаем либо вечером, либо рано утром, а пока – личное время.

Погода стояла замечательная. Мы с Димой Гогуа, моим давним другом, нашли укромное тенистое место неподалёку от кладбища, улеглись, смотрели в небо и неспешно беседовали. О том, что обычно июль мы, как истинные сухумчане, проводили на пляже, а сейчас вот война. Все её ждали, но наивно рассчитывали, что пронесёт. Ах нет! Но грузины своим подлым нападением оскорбили нас! И теперь любой абхаз, который носил брюки по назначению, не мог поступить иначе, как принять вызов: кто с оружием в руках, кто сражался пером, кто знаниями или просто связями – так уж нас воспитали.

Сегодня тот наш разговор кому-то может показаться наивным: дескать, и мыслить можно иначе, и иначе жить – особенно если посмотреть на самодовольные физиономии дезертиrov, которые мелькают на экранах или пренебрежительно разглядывают окружающих из-за стёкол «лексусов», «мерседесов» и «инфinitей»! Возможно, я излишне категоричен, но до сих пор не понимаю, как иные представители нашего, столь малочисленного народа, могли сомневаться, как поступить в час нависшей над Родиной опасности. Особенно несправедливо, что немало физически здоровых мужиков увильнули под разными предлогами, и за оружие пришлось взяться подросткам, которые часто гибли именно из-за своей юной отчаянности! А ведь именно они были нашим бесценным генофондом, а не эти... особи неженского пола! Сильно сомневаюсь (хоть бы я ошибся!), что дети столь «практичных» папаш смогут вырасти достойными людьми...

Сейчас уже не вспомню, мне или Диме пришла в голову эта сумасшедшая идея, но мы вдруг вздумали спуститься к морю и искупаться. Назло всему, что творилось вокруг, к тому ж кто знает, выпадет ли ещё в жизни такая возможность! Предупредили ребят, нашли попутку, которая подбросила нас в район Шицкуары: солнце, пустынный пляж, морская гладь – романтика!

Долго не раздумывая, мы решили купаться нагишом – где потом найдем время высушить трусы? Море было потрясающее, мы плескались, наслаждаясь моментом. По традиции решили сделать дальний заплыв, но только мы отмахали метров тридцать, на берегу, совсем близко, начал работать наш «Град». Мы восторженно кричали, били руками по воде, провожая взглядом ракеты, улетающие в сторону вражеских позиций. Но тут, как и следовало ожидать, нашей батарее ответила и грузинская артиллерия.

Первые снаряды вздыбили воду метрах в 100–200 от нас. Мы в панике переглянулись. Куда деваться-то в море?! Инстинктивно я крикнул: «Ныряй!» Мы одновременно погрузились в воду и замерли. Тут до меня дошло, что это кардинально неправильное решение! Нас же просто оглушит, всплыём, как рыбки после динамика браконьера.

Жестами я показал Диме, что, наоборот, надо держать головы над водой. Вынырнули. На поверхности было тихо – видимо, враги корректировали огонь. Воспользовавшись паузой, мы спешно поплыли назад.

Второй залп пришёлся совсем близко, но мы уже достигли берега. Оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь укрытия, обнаружили на пляже воронку от снаряда. Быстро прыгнули в неё и тесно прижались друг к другу, пото-

му что было очень страшно! Когда я слышу, как некоторые бравируют тем, что якобы вообще не боялись артиллерии врага, то начинаю злиться. Или это умалишённые, так как любому разумному существу страшно, когда грозит смерть, или просто врут и на самом деле никогда не попадали под обстрел, а, может, и вовсе не воевали...

Третий залп ударил по набережной. Четвертый – ещё дальше от кромки прибоя. Осознав логику вражеских артиллеристов, мы поняли, что опасность миновала.

Мы стали потихоньку возвращаться в реальность, переглянулись – и вдруг до нас дошла комичность ситуации! Двое голых мужиков лежат в обнимку в небольшой воронке из-под снаряда!

Конечно, мы поспешили выскочили из нашего убежища и, хохоча, начали отряхиваться от налипшего песка. Вдруг меня осенило: «Уая, Дима! А представь, нас накрыло бы там? И потом нашли бы нас в таком виде и положении?! Сколько разговоров было бы! Вот, мол, совсем эти детки интеллигенции с ума посходили: вокруг войны, а они чем занимаются?!»

Долго мы ещё смеялись на берегу. А вечером пришёл приказ о начале наступления.

Впервые опубликовано 30.05.2013 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Виталий Габниа

Горькие дни марта 93-го

С первых дней формирования линии Западного (Гумистинского) Фронта зона позиционного противостояния в районе Верхнегумистинского моста была закреплена за гудаутским (группа «Замостянка») ополчением под командованием Владимира Начач. В наши ряды влилось и с десяток сухумчан, которые отступали из столицы до первой естественной преграды – реки Гумиста, которая впоследствии стала линией фронта. Три месяца мы находились на позиции безвылазно, только потом появилась возможность организовать смены. За полгода окопного противостояния мы настолько основательно изучили местность, что даже по характеру свиста летящей

в нас пули могли безошибочно определить места скрытых огневых точек противника.

В ходе подготовки к наступлению 15–16 марта 1993 года в район Верхней Эшеры было переброшено ещё несколько штурмовых подразделений нашей армии. При спешном наращивании сил на столь узком участке возникла суматоха, которая привела к трагедии: на минах подорвались два бойца, одному из которых (брату погибшего в том же наступлении Игоря Дармава) оторвало обе ноги. Самое горькое, что подорвались они на наших же минах, которые в первые дни войны, до чёткого закрепления линии фронта, выставлялись без схематических карт – их расположение было известно только нашему подразделению.

За сутки перед наступлением, в ночь на 15 марта, наша разведка, форсировав реку выше моста, начала разминирование подступов к скрытым укреплениям противника. С ней выступил и наш командир, Владимир Эминович Начач, хотя незадолго до наступательной операции он был переведён на должность военного прокурора республики и передал полномочия командаира замостянского батальона Фридону Авидзба. Непосредственно разминирование проводил Вадим Буравов, уроженец Гудауты, выпускник профильного высшего военного училища. Хорошо ещё, что, за исключением этого участка ущелья, в то время противник не минировал удержанную территорию, так как лелеял надежды на собственное грядущее наступление.

Казалось логичным, что мы будем прорываться именно на этом, так хорошо изученном нами участке фронта. Но

на следующий вечер неожиданно был получен приказ выступать значительно ниже по течению реки Гумиста, в зоне ответственности роты из Верхней Джирхвы под командованием Соко Чачибая. Мы не спали уже вторые сутки, но адреналин насыщал кровь, оставляя голову ясной. Форсировав реку, мы присоединились к группе «Эвкалипт», бойцы которой рассредоточились вдоль естественного укрытия – среза оврага.

Нарастив силы, мы двинулись в наступление. Первое ранение в нашем взводе получил мой друг Пашка Орлов из Сухума. Раненый в щиколотку, он продолжал вести прикрывающий огонь и только с рассветом следующего дня добрался до наших санитаров. Через несколько шагов получил две пули – в голову и под сердце – Даур (Дука) Кардава, каким-то чудом оставшийся в живых, хотя и пришлось ему лечиться потом около года.

Перед взводом разведки стояла задача: продвигаться в тыл, отсекая бронетехнику противника. Выйдя на развилку дорог, мы столкнулись с первой БМП, которая шла на всех парах от кемпинга в город. Конфуз был в том, что она выскоцила нам в спину, мы попросту не успели среагировать, отскочив на обочину. Но, когда навстречу нам неторопливо вылез танк, выбирающий цель, мы дважды выстрелили по нему из гранатомёта «Оса»¹, начиненного кумулятивными снарядами: один заехал в башню, другой повредил гусеницу.

Фейерверк получился знатный – искр было много, но реального урона башне наша лобовая атака не нанесла. Тем

¹ «Оса» М-79 – ручной противотанковый гранатомёт.

не менее, монстр одним боком, описывая окружности, стал пятиться назад. Сказать, что танк в ближнем, да ещё ночном бою выглядел страшно – всё равно, что ничего не сказать! Укрыться было негде, а мощь его снарядов была такой, что контузило только от звука башенных залпов.

К тому моменту подоспела и основная часть батальона во главе с Фридоном Авидзба. Мы приступили к дальнейшему выполнению задачи, поставленной перед подразделением: выйти по республиканской трассе до подступа к городу (где сейчас стоит заправка «Роснефти»), с выходом на сопки близ кладбища (район «Универсам»), что дало бы возможность контролировать перекрёсток на Новый Район, а в случае удачи – выйти по сопке в район железнодорожного вокзала.

Близкий рокот вражеской бронетехники и непроглядная ночь заставляли двигаться с особой осторожностью. Пройдя две трети пути, мы наткнулись на стоящую посередине трассы заведённую БМП с открытым люком. Первой мыслью было закинуть в него гранату, но у нас была инструкция: по возможности не уничтожать технику, которая потом могла пригодиться нашей армии. Обойдя урчащую машину со всех сторон, мы постучали по корпусу – тишина. Решив, что экипаж бросил БМП, свернули налево в сторону сопок – и тут она крутанулась вокруг собственной оси, дала залп и рванула в сторону центра города! В результате нашей беспечности шестеро бойцов вышли из строя: двое убитых, четверо раненых. Астику Дзидзария оторвало обе ноги, они держались лишь на лоскутах брюк, Баталу Мхондзия из Псху выбило колено.

Начинало светать. Мучило понимание: что-то идёт не так, рация издохла, боеприпасы были на исходе, кумулятивные снаряды, которыми можно останавливать технику, отстреляны, на руках раненые и убитые. Но главное – не было слышно о действий второго эшелона! Тем не менее, командир батальона Фридон Авидзба вместе с командирами взводов приняли нелёгкое решение: продолжать выполнять поставленную задачу. Вытянувшись в цепочку, подразделение двинулось по лощине между двух сопок, к плато в районе «Универсама».

На середине подъёма нас окликнули на грузинском языке: «Вы кто такие? Из какого батальона?!» Мы замерли – оказывается, противник находился над нами, с обеих сторон, в укрытиях, и мог запросто забросать нас гранатами. Шли ставшие невероятно длинными секунды... Вдруг кто-то из наших ответил по-грузински: «Мы из такого-то батальона, нам дана задача окопаться на этих высотках». Последовал ответ: «Мы уже сидим на этих высотках, а вы спускайтесь к трассе». Так нам удалось выйти из капкана – благодаря общей неразберихе и умению одного из нас говорить на грузинском языке! Я так и не понял до сих пор: то ли они и правда в потёмках приняли нас за своих, то ли подыграли, не желая лишний раз ввязываться в бой. Когда мы вернулись на дорогу, я подошёл к бойцу, чьи познания нас спасли. Он сказал, что его зовут Чак, боец группы «Эвкалипт».

Надо было опять решать, как действовать дальше. Уже было ясно, что второй эшелон не перешёл в наступление: стрельба слышалась вдалеке, где-то у реки. Продолжать

наступление в нашем положении: с ранеными и убитыми на руках, в светлое время суток – грозило большими потерями без малейшего шанса на успех. Поэтому было принято решение: отступать в боевом порядке по самому короткому пути, через поля и виноградники, избегая дорог, по которым рыскала вражеская техника.

Сейчас, возвращаясь мысленно к событиям тех дней, я понимаю, что нужно было действовать иначе. Знай мы тогда, что немалые силы наших закрепились ниже, в «зелёном доме»! Могли бы в сумерках вернуться тем же путём и, воссоединившись с ними, на рассвете вновь пойти на прорыв! Дневной бой в районе кемпинга, с последующим уходом по ущелью, выше моста, по пути, который мы же и разминировали – тут у нас были бы неплохие шансы. Знай мы тогда...

А в тот момент наш план был таков: те, кто остался из взвода разведки, перевесив автоматы через плечо, двигаются впереди основной группы. В случае обнаружения противником – сближаться с ним вплотную, выдавая себя за грузинских гвардейцев, а потом действовать, используя фактор неожиданности. Поэтому я попросил Чака пойти с нами: его знание языка могло вновь выручить в нашем, прямо скажем, отчаянном положении. В случае вступления разведки в контактный бой, следующая за ней основная группа (с ранеными и убитыми на руках) уходит в бреши, которые появятся, когда враг бросит новые силы на отражение нашей атаки.

Без потерь мы прошли открытые участки пути и вышли близ линии фронта, у военного городка бывшего Восьмого

полка². Следуя выбранной тактике, мы пересекли плац в самой открытой части, между позиций противника. Конечно, нас сразу заметили, но стрелять не стали: приняли за своих, ведь мы шли уверенно, с автоматами на плече. Когда дошли до центра площади, к нам вышли двое гвардейцев и что-то спросили. В тот момент впереди оказались я и Гена Чамагуа из Ачандары – оба не владели грузинским, а оборачиваться на Чака уже не было времени. Мы молча сократили дистанцию до минимума, неторопливо сняли автоматы и в упор открыли огонь. До сих пор помню их недоумённые глаза. От моей очереди (из автомата калибра 5,45) они удержались на ногах, но после очереди Гены – из мощного автомата калибра 7,62 – их отбросило навзничь.

Отстреливаясь, бросились к берегу: спасительная река была так близко, да и надо было воспользоваться замешательством врага! Но мы не знали, что на втором этаже здания, примыкающего к плацу, располагались их пулемётные расчёты, развёрнутые в сторону Гумисты...

В спину ударил шквальный огонь. Боковым зрением уловил, как скосило нескольких наших замостянских ребят, в том числе Отара Аргун, всего пару метров не дотянувших до укрытия – небольшой ложбинки прямо у реки. Уцелели

² Военный городок 8 полка МВД СССР в поселке Ачадара Сухумского района. В конце 1991 года, после передислокации полка, на территории части был размещён только что созданный Отдельный Полк Внутренних Войск Республики Абхазия. В период оккупации Сухума, в 1992-1993 годах, там располагались грузинские вооружённые формирования. На территории части размещалось штабное здание, несколько казарм по периметру плаца, гаражи.

только я и Оскар Гвазава из «Эвкалипта» – геройский парень, погибший в самом конце войны, в боях за Сухум. Перейти Гумисту не было никакой возможности, пришлось лежать до заката, изредка огрызаясь в направлении пулемётов. Лишь в сумерках удалось перебраться на наш берег.

Пока шёл этот короткий бой, основная группа, согласно плану, стала обходить военный городок справа. Как рассказали потом выжившие однополчане, в лощине меж мандаринников они напоролись на БМП противника: погиб Славик Аджба, мой друг и однокурсник, которому было всего 18 лет. Адгур Шамба (группа «Замостянка») отклонился правее – до сих пор его судьба неизвестна, числится в пропавших без вести. Дима Аргун ударил по БМП последней, осколочной, «Мухой»³, попал в башню, контузив экипаж, что дало ребятам несколько бесценных мгновений.

Бойцы ринулись вперёд, к другому зданию, на сотню метров правее, где, как и в нашем случае, на втором этаже располагался пулемётный расчёт. Потеряв троих: командира Фридона Авидзба, пулемётчика Германа Кове и комиссара Алика Нанба, бойцы заняли первый этаж и организовали круговую оборону. В здании они захватили высокопоставленного грузинского офицера, что дало возможность начать переговоры с противником. Договорились, что наши отдадут пленного только после того, как вся группа – без обстрела! – отойдёт к реке. Чтобы выполнить эти условия, кому-то из ребят надо

³ «Муха» РПГ-18 – реактивная противотанковая граната.

было остьаться с раненым грузином, который уже начинал хрипеть. Было ясно, что тот, кто останется, уже никогда не вернётся. Вызвался Игорь Дармава, которого с того дня ни живым, ни мёртвым уже никто не видел, нет никаких известий о его судьбе.

Благодаря самопожертвованию Игоря, остатки группы смогли перебраться на наш берег Гумисты. Но на этом их мытарства не закончились, так как нужно было ещё пересечь открытую галечную насыпь, которая полностью обстреливалась противником. Шанс дойти до укрытия мог выпасть только с наступлением темноты. Все были измотаны, подавлены, обмёрзшие, без боеприпасов. В середине дня из ущелья зашёл пикирующий штурмовик Су-27⁴, скинул 500-килограммовую бомбу – явно метил в наши позиции, но промахнулся, попал в середину реки. От взрыва стеной поднялась масса воды и гальки, накрывая всё вокруг. Удар был такой силы, что бойцы, лежавшие ближе всех, получили контузии, без памяти вскочили – и попали под пулемётный огонь врага.

Когда мы с Оскаром добрались к следующей ночи до штабного блиндажа у верхнеэшерского милицейского поста, выяснилось, что к тому моменту никто не вышел из окружения, кроме нас двоих. Такая весть чуть не лишила нас рассудка: только мы двое – из нескольких штурмовых

⁴ Су-27 — советский/российский многоцелевой высокоманёвренный всепогодный истребитель четвёртого поколения, разработанный в ОКБ Сухого и предназначенный для завоевания превосходства в воздухе.

подразделений! К счастью, в течение следующих четырёх дней вернулись ещё ребята: с большими потерями, но вырвались! Выжил и Чак – Вадим Чкотуа из Гудауты.

Конечно, я не владею информацией по общей картине боевых действий 15–16 марта, так что не знаю, по какой причине командование приняло решение остановить наступление, не дало отмашку второму эшелону. И всё-таки до сих пор не могу понять: как можно было бросить на произвол судьбы лучшие силы абхазского ополчения – без поддержки, без возможности отхода. Это преступление, которое, по мне, ничем не может быть мотивировано!

Приходится слышать и такое: неудачные наступления в январе и марте 1993 года дали ценный опыт, который потом помог добить Победу. Но – ради опыта начинать операцию на самом узком участке фронта, с залитой в бетон двойной линией эшелонированной обороны противника, с подавляющим огнём его артиллерии, при полном его превосходстве в боевой технике?! Планировать наступление, рассчитывая лишь на боевой дух нашей пехоты и её готовность к самопожертвованию?! Видит Бог, мы и так выиграли войну на грани человеческих возможностей. Ещё одна такая разработанная Генштабом ломовая операция, и Победы вовсе могло не быть! Только последнее наступление, где линия боёв была растянута по горной гряде над Сухумом (от сёл Ахалшени, Каманы до реки Келасур), где в основном пехота противостояла пехоте, стало успешным.

И ещё – были в нашем батальоне и те, кто вовсе не

Виталий Габниа • Горькие дни марта 93-го

перешёл Гумисту в ночь на 16 марта 1993 года. Это не делает им чести, но тем не менее не мешает им сейчас, двадцать лет спустя, рвать на груди тельняшку, расписывая собственные героические подвиги.

Впервые опубликовано 18.03.2013 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Рисмаг Аджинджал

Запасной патрон

17 августа 1992 года на переговорах было достигнуто соглашение: и войска Госсовета Грузии, и абхазское ополчение покинут Сухум. Однако на следующий день госсоветовцы, нарушив договор, без боя заняли город.

Многие местные грузинки выбегали им навстречу и приветствовали «наших освободителей», вручая охапки цветов. А одна, проживавшая в четырёхэтажном доме по улице Кирова, выскочила на балкон. Выкрикивая лозунги, она перегнулась через перила, чтобы бросить букет на броню танка, который ехал по улице. Но грузинские вояки, сидевшие на броне, пребывали в эйфории от того, что так запросто взяли столицу, и на радостях палили из автоматов во все стороны.

Одна из тех шальных пуль угодила прямо в разинутый в крике рот «патриотки».

Дней через десять после начала войны три абхазских ополченца, укрывшись под платанами, охраняли берег моря и причал в Нижней Эшере (между спортивной базой и газовой заправочной станцией). Вдруг выше по ущелью, со стороны автомобильного моста, они услышали шум винтов вертолёта и стрельбу. Один из них, вооружённый пулемётом РПК, вышел из-под платанов и занял огневую позицию. Увидев приближавшийся МИ-8, он выпустил по нему все свои 45 патронов.

Вертолёт задымился и, развернувшись, полетел – но не в сторону оккупированного Сухума, а к нашим, в сторону Гудауты! Получается, подстрелили-то своих! Или того хуже – русских военных! А в русских никто из абхазов не хотел стрелять.

Пулемётчик, как главный виновник, не знал, как показаться на глаза командиру и товарищам, которых он так подвёл. Но куда ему было деться, ведь на Родине шла война, и скрыться где-нибудь за её пределами означало стать дезертиром. Парень так мучился от стыда, что вообще перестал покидать пост под платанами. Он даже есть со всеми бойцами не ходил, друзья тайком приносили ему порцию.

Через несколько дней стало известно, что тот вертолёт действительно был российским, но пилот, к счастью, жив-здоров. У всех поднялось настроение и особенно, понятно, у пулемётчика. Набравшись духу, он всё же отважился выйти пообедать к общему костру. И при этом напустил на себя такой беспечный вид, будто ничего и не случилось.

Увидев издали этот «выход в свет», командир Заур Хварцкий решил подколоть парня. Заур сделал вид, что

отвлёкся и дал пулемётчику возможность, не здороваясь, прошмыгнуть мимо. Но как только парень оказался к нему спиной, командир подскочил и грозно крикнул у него над ухом: «Ах вот ты где!». Бедняга аж подпрыгнул от неожиданности.

Разумеется, пулемётчик ни в чём не был виноват и никого не подвёл, так как сделал всё то, что должен был делать в той ситуации. Это вина пилота, который не предупредил абхазских командиров о своём вылете, и уже они не стали предупреждать своих бойцов о том, что по этому вертолёту нельзя стрелять. Наш же пулемётчик – настоящий патриот, который встал на защиту своей Родины во время войны и делал всё от него зависящее для её освобождения.

Это случилось в канун Нового 1993 года, в оккупированном Сухуме. Грузинская семья Хубутия, живущая в частном доме, держала небольшое подсобное хозяйство. У одного из хубутиевских петухов был очень скверный характер: он постоянно задирался, нападал на людей, в общем, порядком всем надоел. Соседи дали обидчику «остроумную» кличку – Ардзинба.

Потеряв терпение, хозяйка решила зарезать буяна к праздничному столу и пригласила соседей «откусить Ардзинба». Гости с нетерпением ждали главного, такого символического, блюда! Наконец, хозяйка торжественно вышла из кухни, держа над головой поднос с жареным петухом.

Все радостно зааплодировали... но тут горячий жир с подноса выплеснулся ей под ноги! Хозяйка поскользнулась, упала, жаркое улетело куда-то во двор, а соседям при-

шлось везти пострадавшую – с ожогами и переломом ноги – в больницу. Там и встретили праздник те, кто так мечтал расправиться с Ардзинба.

– Дело было в Нижней Эшере, ещё до мартовского наступления, – рассказывал Славик Бадия. – Грузинский танк выехал на позицию, но вдруг застрял на спуске, наверное, заклинило мотор.

Экипаж спешно покинул машину. Только водитель не успел: когда он высунулся из люка, включился наш снайпер, русский парень из Питера. Пуля ударила прямо в откинутую крышку люка, грузин юркнул обратно. Впрочем, он оказался не прост, знал, сколько патронов в СВД¹. И началась смертельная «игра»: он люк приоткроет – наш снайпер выстрелит – тот снова захлопнет.

Когда десятая пуля чиркнула по броне, танкист почувствовал себя в безопасности. Он спокойно вылез из люка и, приняв картинную позу, ехидно крикнул в нашу сторону: «Что, патроны кончились?» И тут же получил от снайпера пулю в лоб.

«А вот сейчас и правда закончились», – сказал снайпер. И, отложив винтовку, объяснил ребятам: «Привычка у меня такая – один патрон всегда в стволе должен быть».

Перед войной в селе Охурей Абхазская гвардия располагалась на двух объектах: пост на центральной автотрассе

¹ СВД – снайперская винтовка Драгунова. Ёмкость магазина винтовки 10 патронов.

и здание бывшей воинской части Советской Армии. Комплекс части, состоящий из трех зданий, находился в 800 метрах севернее автотрассы, а пост находился непосредственно на дороге, у развилки перед городом Очамчыра. У центрального въезда на территорию части стоял ГАЗ-66.

14 августа 1992 года в 9:00 офицеры произвели утренний развод нарядов. Дневальный в части был оставлен резервист, уроженец Очамчырского района. Всего в части оставалось 6–7 человек.

После того, как на территории части услышали стрельбу со стороны трассы у поста, радиосторожка Астамур Эзугбая² передал в Ткуарчал и Сухум, что охурейский блокпост атакован! Вскоре после этого над территорией части пролетел грузинский боевой вертолёт.

К части подъехал бежевый автомобиль ВАЗ 2101, УАЗик (с пулемётом, установленным на дугах) и два микроавтобуса РАФ. Из машины вышел бородатый грузин в черных брюках и черной майке, крикнул: «Сдавайтесь, вы окружены!» – и дал в воздух короткую автоматную очередь.

Облокотившись о бампер ГАЗа, дневальный открыл огонь на поражение. Один из нападавших был убит, ещё один – ранен.

Абхазские гвардейцы Емзар Ломия и Давид Капба находились у крыльца казармы. Емзар и Давид отстреляли практически весь свой боезапас (два магазина, связанные изоляционной лентой, и один запасной): «копейка» стояла за одним из зданий и была недосыгаема для абхазов, но РАФ был выведен из строя, не удалось противнику открыть огонь и из пулемёта на УАЗике.

²Эзугбая Астамур Наполеонович погиб 25.12.1992 года

Между тем грузины начали расстреливать из автоматов здание казармы, вскоре подогнали и танк. Только после этого абхазы приняли решение оставить территорию части и отступать.

Дневальный сказал остальным, уже безоружным: «Шэара шэцала – сара схыслонт!»³ Он стрелял одиночными – экономил боеприпасы. И только истратив последний патрон, боец оставил пост и ушёл вслед за товарищами.

Записано со слов Даута Джурбееевича Кецба
и Емзара Язбеевича Ломия.

Однажды наши лётчики получили приказ уничтожить военный объект в оккупированном Сухуме. Ночью, миновав линию фронта, самолёт прибыл в заданную точку в районе улицы Чанба.

Отстрелив две или три яркие ракетницы – для освещения и более точной наводки – экипаж сбросил бомбу на парашюте. Грузинские вояки, увидев «салют», а потом и парашют, решили, что абхазы высаживают десант. С криками: «Десант! Десант!» они стали сбегаться к месту точки приземления снаряда...

На следующий день, чтобы дать хоть сколько-нибудь приличное объяснение большим потерям, оккупационные СМИ объявили о «взрыве бомбы на похоронах».

³Уходите – я вас прикрою! (абх.).

В последние дни войны, на Восточном Фронте в районе села Тамыш, абхазским бойцам в очередной раз пришлось взорвать автомобильный мост. До его восстановления движение автобусов между тогда ещё оккупированными городами Сухум и Очамчыра происходило так: к мосту одновременно с обеих берегов подъезжали автобусы, люди выходили, пересекали вброд реку (в то время года она не глубокая) и пересаживались в другой автобус.

Однажды из подъехавшего очамчырского автобуса вышла грузинская семья: мужчина с тремя маленькими дочерьми, старшей было не более десяти лет. Каждая девочка держала в руках небольшой узелочек. Отец взял одну из них на руки, перенёс на другой берег и посадил в автобус. Потом вернулся, переправил вторую дочку. Когда он переходил реку с третьей, водитель автобуса, в котором уже сидели две малышки, вдруг завёл двигатель и начал отъезжать. Мужчина отчаянно закричал, но тот, не обращая на него внимания, продолжил движение.

Всё это наблюдали абхазские разведчики, которые находились неподалёку, в засаде. Сочувствуя семье, которую разлучали, они, не заботясь о том, что обнаружат себя, дали над автобусом короткую очередь из автомата. Но водитель только сильней нажал на газ. Встревоженным абхазам не оставалось ничего другого, как уже из подствольного гранатомёта выстрелить по обочине перед носом автобуса. Негодяй наконец догадался, что ему приказывают остановиться, и резко затормозил. Понял, что происходит, и отец девочек. Он добежал до автобуса, посадил ребёнка, а потом обернулся в сторону разведчиков, поднял приветственно

руки и прокричал слова благодарности.

В оккупированном Сухуме выходила газета «Демократическая Абхазия». Одному из её сотрудников было поручено написать хвалебную статью о вновь созданном элитном подразделении грузинской армии. Корреспондент, не жалея громких слов, воспел беспримерное мужество и геройство грузинских вояк. И название статье подобрал, как ему показалось, красивое и торжественное: «Имя им легион»⁴.

Так невежественный журналист, сам того не желая, очень чётко определил, кто есть кто на этой войне.

На исходе первого месяца войны студия телевидения, вещавшая из оккупированного Сухума, показала интервью с одним из грузинских солдат (кажется, брала его популярная тогда Нана Гонгадзе). На вопрос, как ему видится продолжение событий, он заявил: «Этим абхазам деваться некуда, за ними горы. Так что, если мы пойдем в наступление, им некуда будет убежать и они все сами сдадутся». Следующему вопросу: «А если абхазы пойдут в наступление?», бравый вояка очень удивился: «Ну и что – ведь у нас есть трасса!».

И только через год, в сентябре 1993-го, все поняли, что это было самым настоящим пророчеством!

⁴ В Евангелии от Марка повествуется, как Христос изгонял бесов из одержимого: «Иисус сказал ему: выди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Мар. 5:8–10).

Аслан Кобахия

Таким был Владислав

28 сентября 1993 года. Гудаута. Около 20:00 ко мне прибыл посыльный от министра обороны – тот срочно вызывает. Подъезжаю к военному санаторию, что около медулища. Начали собираться командиры. Смеркалось, нам принесли лампы – в городе нет электричества. Я успел перекинуться парой слов с генералом Сергеем Дбар о побеге Шеварднадзе. Он, как обычно, шутил:

– Ипъсцәа ифааит, дабаутаху!¹

Вдруг внезапно входит Владислав Ардзинба, очень напряжённый, энергичный, и очень уставший. Поздоровался со всеми за руку и начал совещание. Поблагодарив за успешное освобождение Сухума, спросил, каковы даль-

¹ Да больно он тебе нужен! (абх.).

нейшие планы. Все в один голос, и я в том числе, заговорили, что воины устали, что нам надо закрепиться по реке Келасур, подготовиться, а где-то через месяц начинать новое наступление. С каждой минутой Владислав всё сильней темнел лицом. Наконец взорвался:

– Вы что, с ума посходили?! Понимаете, о чём говорите?! Восточный Фронт зубами асфальт грызёт, патроны у них закончились, в рукопашную идут, но не отходят! А вы хотите месяц здесь сидеть?!

Дальше пошли чёткие команды: завтра, с рассветом, немедленно продвигаться вперёд – и никаких разговоров! Жёстко пристукнул ладонью по столу, встал и ушёл.

Согласно приказу Главнокомандующего, утром 29 сентября началась операция по объединению Фронтов. К полудню бойцы Гумистинского и Восточного Фронтов встретились на реке Кодор. Вечером абхазская армия была уже на Меркульском повороте. В первой половине следующего дня наши войска освободили Очамчыру. На закате 30 сентября 1993 года вышли на государственную границу Республики Абхазия по реке Ингур.

Таким был Владислав.

Впервые опубликовано на сайте: <http://www.aiaira.com>

Темур Дзидзария

Память не позволит

Размышления накануне Дня Победы

Восемнадцать лет прошло со дня начала войны. Тем, кто тогда родился, сейчас восемнадцать. Это уже другое поколение, они не такие, как мы. И это нормально. Но важно, чтобы не прерывалась наша связь, чтобы мы сумели передать им и память о войне, и дух Победы. Тогда страна в будущем избежит поражений. Потому что больше никогда не будет застигнута врасплох.

В последнее время стало модно вопрошать себя и других: «За что воевали?» Скажу откровенно: когда я взял оружие и пошёл на войну, мотивация у меня была самая прозаическая. Я думал, что если я сейчас уклонюсь, дам слабину, то никогда потом не смогу посмотреть в глаза тем, кто сра-

жался. Меня замучило бы чувство стыда, «ахъымзұ», как говорят абхазы. А вот понимание, за что именно я воевал, пришло далеко не сразу.

В день начала войны я был в Пицунде. Оттуда собирался в Сочи – справить там 16 августа свой день рождения. Так получилось, что пришлось готовиться не к празднику, а к войне. Мы с ребятами стали искать хоть какое-то оружие, что-то нашли, правда, мне не досталось. Но я всё равно решил ехать в Сухум, на Красный мост. Помню жуткое ощущение от мысли: там уже кто-то погибает, а здесь вот идут себе электрички...

А дальше всё было, как у всех. В Сухуме наконец удалось раздобыть себе боевое оружие, да ещё какое! В восьмом полку Внутренних войск Абхазии я увидел БМП. Мне объяснили, что водителя нашли, но вот наводчика нет. Спрашиваю: «А сложно?» Тут же показали, как это делается. Снарядов не было, но пулемёт-то на машине был, и патроны, к счастью, были! Вот эта БМП и стала моим вооружением на всю войну.

Много событий произошло за тот год, некоторые намертво врезались в память, фиг забудешь. Помню день, когда меня ранили – во время первой Шромской операции. На мосту завязался бой. Я успел отстрелять весь боекомплект – ленту на три тысячи патронов, мы подбили их БМП и грузовик с пехотой. Потом вражеский снаряд попал в нашу машину. Сначала я вообще не почувствовал боли, выпрыгнул из БМП, стал отползать. Вдруг в колено угодил отлетевший от разрыва камень, и вот тогда я потерял сознание.

Все решили, что меня убило. Когда очнулся, медсестра Ляля Паразия заметила, что у меня спина дымится: оказа-

лось, и туда поймал несколько осколков. Нас кое-как спустили с высоты на носилках. Внизу, на базе, лежал раненый в позвоночник Алхас Тхагушев. Мне повезло больше – я сейчас могу ходить.

Потом нас везли в госпиталь. По дороге кончился бензин, и водитель с двумя канистрами пошёл пешком в Гудауту, вернулся с горючим только к утру. Те, кто мог передвигаться, разожгли костёр, мы грелись у него до утра – ночи-то были уже холодными.

Только в госпитале наконец накатила дикая боль. Но даже она не помешала мне с невыразимым удовольствием съесть рисовую кашу. Ей угощали женщины, которые приходили ухаживать за ранеными. Никогда – ни до, ни после – я не ел такой вкусной каши! Наверное, это был для меня тогда вкус самой жизни, по-особенному сладкой оттого, что смерть, которая казалась неминуемой, всё-таки отступила.

На войне и люди стали иными. Помню, как моя мать, так дрожавшая надо мной, когда я, маленький, болел обычным ОРЗ, совершенно спокойно вошла в палату. «Ты что, начал курить?» – только и спросила она.

Вообще, если честно, время войны было самым счастливым в моей жизни. Мы жили слаженно, воевали слаженно, как ни странно, но всё тогда было очень гармоничным. И Победа была как следствие этой гармонии.

Боюсь, прозвучит смешно и даже как-то недостойно, но первые мои ассоциации с ней связаны с мешками орехов и бутылками чачи. Я встретил этот день на границе, на мосту через Ингур. Он весь был засыпан этим добром, которое побросала отступавшая пятая колонна. Радость была приглушена усталостью и пониманием, скольких она стоила

потерь. Я не помню, чтобы хоть раз за всю войну пригубил спиртное. А там мы выпили много чачи, закусывая фундуком. Такой вкус был у Победы.

А теперь вот говорим с горечью: «За что воевали?» Иногда я тоже так думаю, но потом проходит. Потому что понимаю: если бы мы тогда не воевали, то сегодня ничего бы для нас не было. Ничего. А так опять есть, что отстаивать, что любить и чем дорожить. Опять есть, за что воевать.

Мне сложно вот так, на пальцах, пересчитать всё, за что воевал. Будет звучать пафосно, как в опере. Не знаю, как простыми словами объяснить то, что так важно и сложно. Наверное, я и тысячи других людей воевали за каждый сантиметр нашей земли, за то, чтобы мы были свободны, могли самостоятельно, не оглядываясь ни на кого, принимать решения, строить своё будущее. За эту возможность мы заплатили слишком дорого. Вот почему нам сегодня важно сохранить и маленькое приграничное село Аибга, и пятак в центре Сухума, где идёт незаконная застройка, и восстановить независимость нашей церкви, и вернуть нашу диаспору, рассеянную по всему свету. За это мы и воевали!

Конечно, не все из нас были идеальными, не каждый сумел вести себя достойно. Я раньше никогда не рассказывал об одном случае, но он до сих пор как заноза в сердце. Когда меня ранили, и я потерял сознание, кто-то стащил мой автомат... Этот «кто-то» тогда был не среди врагов, он затаялся на нашей стороне фронта! И не думаю, что этот «кто-то» после войны, уже в сегодняшней нашей общей жизни, вдруг стал порядочным человеком.

Честных ребят тоже покалечила война, не зря нас, кто ушёл на войну в возрасте от 17 до 35 лет, принято считать

потерянным поколением. Многие, не найдя себя в мирной жизни, покончили жизнь самоубийством, пристрастились к наркотикам. Мне повезло, потому что у меня была не просто профессия, а дело всей жизни. Я художник, сейчас увлекся кузнецким ремеслом, возрождаю утраченные традиции абхазских оружейников. Говорят, неплохо получается. Но я знаю много воевавших ребят, моих ровесников, кто тоже достиг заметных высот в своём деле. Именно благодаря их труду выстояло в блокаде наше государство, которое сегодня получило признание. Ведь ещё совсем недавно мы не могли позволить себе приглашать специалистов извне.

Всё, сделанное за эти годы, сделано нашими собственными руками. И неправда, что те, кто воевал, исчерпали свой ресурс, что у нас не осталось никакого потенциала, и поэтому, чтобы дальнее строить жизнь, надо зазывать на Родину дезертиров из «московского» или «сочинского» батальонов. Я точно знаю: те, кто защитил Абхазию в войну, кто и после сумел послужить ей, уже в новом качестве, – самые крепкие и надёжные. Они не предадут. Память не позволит. Вот на них и надо полагаться для наполнения признания нашего государства реальным смыслом.

Впервые опубликовано 17.09.2010 г.
в социальной сети <http://www.facebook.com>

Содержание:

Александр Бардодым	
Дух нации	5
Руслан Барцыц	
Клятва	6
Роин Агрба	
А «Дикие волки» продолжали драться...	15
Мурман Гварамиа	
Смекалка	23
Авто Гарцкиа	
Разведчик	27
Роин Агрба, Темур Надарая	
Бои на Мамзышьхе	34
Авто Гарцкиа	
Охотник	39
Роин Агрба	
Бахадыр Абагба	47

Темур Надарая		
Мыса Аршба		50
Алексей Ломиа		
Спасибо тебе, Абзагу!		52
Батал Джапуа		
Бой на чайсовхозе		63
Дополнение, комментарий Темура Парулуга		79
Авто Гарцкиа		
Тот, который прикрывал		82
Аслан Кобахия		
Джон Дзидзария		85
Эмма Ходжаа		
Гудаута		87
Темур Надарая		
Высадка Тамышского десанта		92
Анна Бройдо		
Женские лица абхазской войны		98
Аслан Кобахия		
Дыдрыпшь-ныха		116

Алексей Ломиа	
Уaya, Дима!	119
Виталий Габниа	
Горькие дни марта 93-го	123
Рисмаг Аджинджал	
Запасной патрон	134
Аслан Кобахиа	
Таким был Владислав	142
Темур Дзидзария	
Память не позволит	144

Сборник издан при финансовой поддержке радио «SOMA»

ТОТ, КОТОРЫЙ ПРИКРЫВАЛ

Сборник рассказов ветеранов
Отечественной Войны народа Абхазии
1992–1993 годов

Составитель Рисмаг Аджинджал

Редактор Анна Бройдо

Корректор Зоя Чача

Художник Батал Джапуа

Дизайн-макет Стелла Садзба

В сборнике были использованы фотографии
М. Барцыц, Р. Барцыц, В. Попова, Г. Цвижба, а также
стоп-кадры из видео Т. Джапуа и архива АГТРК